

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 7**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7 / Д. Д. Казанова —
«Автор», — (История Жака Казановы)

«— Вчера, – сказала мне она, – вы оставили у меня в руках два портрета моей сестры М. М., венецианки. Я прошу вас оставить их мне в подарок.– Они ваши.– Я благодарна вам за это. Это первая просьба. Второе, что я у вас прошу, это принять мой портрет, который я передам вам завтра.– Это будет, мой дорогой друг, самое ценное из всех моих сокровищ; но я удивлен, что вы просите об этом как о милости, в то время как это вы делаете мне этим нечто, что я никогда не осмеливался бы вас просить. Как я мог бы заслужить, чтобы вы захотели иметь мой портрет?..»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джованни Казанова История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Конец моего приключения с монахиней из Шамбери. Мое бегство из Экса.

– Вчера, – сказала мне она, – вы оставили у меня в руках два портрета моей сестры М. М., венецианки. Я прошу вас оставить их мне в подарок.

– Они ваши.

– Я благодарна вам за это. Это первая просьба. Второе, что я у вас прошу, это принять мой портрет, который я передам вам завтра.

– Это будет, мой дорогой друг, самое ценное из всех моих сокровищ; но я удивлен, что вы просите об этом как о милости, в то время как это вы делаете мне этим нечто, что я никогда не осмеливался бы вас просить. Как я мог бы заслужить, чтобы вы захотели иметь мой портрет?

– Ах, дорогой друг! Он для меня был бы дорог, но боже сохрани мне иметь его в монастыре.

– Я прикажу сделать его в костюме Св. Луиса Гонзага или Св. Антония Падуанского.

– Меня проклянут.

На ней был корсет из бумаге с тесьмой розового цвета и батистовая рубашка, которая меня удивила, и вежливость мне не позволила спросить, откуда это; однако я оглядел внимательно ее наряд, и, легко догадавшись о моей мысли, она, смеясь, сказала, что это подарок крестьянки, которая видела, что она предпочитает находиться в постели.

– Почувствовав себя богатой, – сказала М. М., – она решила употребить все свои средства, чтобы показать, как она благодарна своему благодетелю. Видите эту большую кровать, – она, разумеется, думала о вас; видите эти тонкие простыни. Но эта рубашка, такая тонкая, – я уверяю вас, она доставляет мне удовольствие. Я лучше спала бы этой ночью, если бы могла защититься от развратных снов, которые бросали мою душу в пламя всю прошлую ночь.

– Не думаете ли вы, что эта кровать, эти простыни и эта рубашка смогут удалить из вашей души мечты, которых вы боитесь?

– Наоборот. Изнеженность порождает сладострастие. Все это останется ей, поскольку, что бы подумали в монастыре, если бы увидели меня лежащей таким образом. Но вы кажетесь грустным. Вы были таким веселым прошлой ночью.

– Как же могу я быть веселым, видя, что не могу больше дурачиться с вами, не вовлекая вас во грех?

– Скажите лучше, – доставляя мне слишком большое удовольствие.

– Согласитесь же получать удовольствие от того, что вы сами мне его даете.

– Но ваше удовольствие невинно, а мое – преступно.

– Что бы вы сделали, если бы мое удовольствие было тоже преступно, как и ваше?

– Вчера вечером вы сделали меня несчастной, потому что я не смогла ни от чего удержать вас.

– Как, несчастная! Подумайте о том, что вы больше не будете сражаться с вашими снами, и что вы будете прекрасно спать. Наконец, крестьянка, давая вам этот корсет, сделала вам подарок, который заставит меня грустить всю жизнь, потому что я, по крайней мере, мог видеть моих деток, не опасаясь дурных снов.

– Но вы не можете винить в этом крестьянку, потому что если она полагала, что мы любим друг друга, она должна была также знать, что ничего нет легче, чем расшнуровать корсет. Мой дорогой друг, я не хочу видеть вас грустным. Это для меня главное.

Ее прекрасное лицо при этих словах бросило в краску, и она позволила, чтобы я осыпал ее поцелуями. Пришла крестьянка, чтобы поставить куверт на новый красивый стол, как раз в тот момент, когда я ее расшнуровывал, не видя на ее лице даже тени сопротивления. Это доброе предзнаменование привело меня в хорошее настроение, но я увидел, что М. М. сделалась

задумчивой. Я поостерегся спрашивать ее о причине, потому что я ее знал, и не хотел подтолкнуть ее к тому, чтобы соображения религии и чести стали непреодолимым препятствием. Я пробудил ее аппетит, показывая, в качестве примера, свой, и она выпила белого вина с таким же удовольствием, как и я, не опасаясь, что для нее, не приученной к этому, оно может пробудить веселье – известного врага добродетели воздержания, хотя и друга всех других чувств. Она не могла этого усмотреть, потому что это самое веселье сделало ее ум более блестящим, ее красоту более совершенной, и сделало ее гораздо более чувствительной, чем до ужина.

Как только мы остались одни, я воздал хвалы ее оживлению, заверив, что это все, что нужно, чтобы удалить от меня всякую грусть, так что часы, проводимые с ней, пролетают, как минуты.

– Будь только со мной великодушна, дорогой друг, и одари меня так же, как ты это сделала вчерашним вечером.

– Я скорее хочу быть осуждена, дорогой друг, и умереть сотню раз, чем рискнуть показаться тебе неблагодарной. Подожди.

Она сняла свой чепец и распустила свои волосы, освободилась от корсета и, вынув руки из рубашки, предстала перед моим влюбленным взором как сирена, что мы видим на самом прекрасном полотне Корреджо. Но когда я увидел, что она отодвинулась, чтобы дать мне место, я понял, что теперь не время рассуждать, и что амур требует, чтобы я использовал момент.

Я поспешил, скорее возле нее, чем на нее, и, сжав в своих объятиях, присосался своими губами к ее губам. Минуту спустя она отвернула голову, и, целуя ее груди, я подумал, что она вдруг задремала; я немного отодвинулся, чтобы лучше рассмотреть бесценные сокровища, которые мне предоставили Фортуна и Амур, и которых я должен был стать обладателем. М. М. спала; она не могла притворяться – она действительно спала. Но если, тем не менее, она притворялась, мог ли я предположить здесь злой умысел и уловку? Действительный или притворный, сон объекта страсти говорил мыслящему любовнику, что недостойно будет воспользоваться случаем, если он сомневается в том, дозволено ему это или нет. Если он действительный, риска никакого нет; если же он притворный, возможно ли найти способ для выражения своего удовлетворения менее справедливый и менее честный, чтобы отказать в своем собственном согласии? Но М. М. была неспособна притворяться. Чары Морфея сделали ее лицо сияющим. Она неразборчиво бормотала какие-то слова: она грезила.

Я решился раздеться, не понимая, для того ли это, чтобы погрузиться в сон, подобно ей, или утишить мой пламень, овладев ею. Но я не замедлил понять, что же я должен делать.

Лежа рядом с нею, я не побоялся разбудить ее, заключив в свои объятия; движение, которое она сделала мне навстречу, убедило меня, что она следует своему сну, и что все, что я могу сделать – это превратить его в реальность. Я окончательно сорвал с нее ее тонкую рубашку, и она вздохнула, пошевелившись, как ребенок, которого распеленывают. Я проглотил сладкий грех в ней и вместе с ней; но перед последним пределом она открыла свои прекрасные глаза.

– Ах! Боже! – воскликнула она умирающим голосом, – значит, это правда.

Произнеся эти слова, она приблизила свой рот к моему, чтобы проглотить мою душу, дав мне свою. Без этого счастливого обмена мы умерли бы оба. Четыре или пять часов спустя, пробудившись в той же позе и видя слабый свет зарождающегося дня, смешанный с дымом, струящимся от обугленных фитилей погасших свечей, мы передали друг другу, счастливые и спокойные, всю череду наших сладких историй.

– Но мы поговорим об этом подробнее этим вечером, – сказала она; – оденемся скорее. Мы любим друг друга, и мы увенчали нашу любовь. Я чувствую себя избавившейся, наконец, от всех моих волнений. Мы подчинились своей судьбе, повинаясь требованиям владычицы природы. Любишь ли ты меня еще?

– Можешь ли ты об этом спрашивать? Я отвечу тебе сегодня вечером.

Я оделся с наибольшей быстротой и оставил ее в постели. Я видел, что она засмеялась, когда подбирала свою рубашку, которую не помнила, как сняла.

Я пришел к себе в разгар дня. Ледюк, который не ложился, передал мне письмо, которое он получил в одиннадцать часов. Я пропустил ее завтрак и отказался от чести проводить ее до Шамбери, но я, однако, не был забыт. Я сожалел об этом, но не знал, что тут делать. Я вскрыл ее письмо и увидел в нем лишь шесть строчек, но они многое сказали. Она советовала мне не появляться никогда в Турине, потому что она там найдет способ отомстить за кровную обиду, что я ей нанес. Она упрекала меня за публичный знак пренебрежения, который я выдал ей, не явившись на ее ужин, что она назвала бесчестьем.

Мне было бы невозможно явиться туда. Я порвал ее записку и пошел к фонтану. Все общество объявило мне войну по поводу того, что меня не видели на ужине у м-м Z; я защищался, ссылаясь в качестве извинения на свою систему здоровья, которая не позволяет мне ужинать; но это объяснение отвергали. Мне говорили, что знают все, и любовница маркиза, опираясь о мою руку, сказала мне без церемоний, что у меня репутация человека непостоянного; вежливость требовала, чтобы я отвечал ей, что у меня нет этого низкого недостатка, но что в любом случае никто не может меня в нем упрекнуть, если я имею честь служить такой даме как она; мой комплимент ей польстил, и я был за него вознагражден, когда она с самым любезным видом спросила, почему я не прихожу иногда позавтракать к маркизу. Я отвечал, что полагал его занятым делами; она отвечала, что это не так, закончив тем, что я доставлю ему удовольствие, если она пригласит меня к ним на завтра, добавив для проформы, что они с ним завтракают каждый день в ее комнате.

Эта женщина была вдова знатного человека, довольно молодая, безусловно красивая и превосходно владеющая жаргоном образованных людей; но она мне не нравилась. Только что, попользовавшись м-м Z и пребывая в апогее своих желаний с монахиней, у меня не было в данный момент возможности думать хотя бы мгновение о новом объекте. Я должен был однако сделать вид, что чувствую себя безумно счастливым, что эта дама отдает мне предпочтение перед всеми остальными. Она спросила у маркиза, может ли она вернуться в гостиницу, и он сказал ей, что должен закончить одно дело с человеком, с которым он говорил, и что я мог бы проводить ее. Дорогой она мне сказала, что если бы м-м Z не уехала, она не осмелилась бы принять мою руку. Я не нашел другого ответа, как поклониться, потому что не хотел никоим образом с ней связываться. Я должен был, несмотря на это, подняться с ней в ее комнату, где мне пришлось сесть и где, поспав перед этим прошлой ночью лишь немного, я зевал. Я попросил у нее тысячу извинений и пожаловался, что болен, и она мне поверила. Я бы совсем заснул, если бы не сунул в нос понюшку табаку, которая заставила меня чихать и тем пробудила.

Пришел маркиз и, показывая, что рад застать меня у нее, предложил мне партию в пятнадцать. Я просил его меня извинить, и мадам, смеясь, сказала, что, продолжая так чихать, я, действительно, не могу играть. Мы спустились к обеду, и я легко согласился на предложение составить банк, тем более будучи раздосадованным прошлым проигрышем.

Я составил банк, как всегда, из пятисот луи, и к семи часам объявил всей компании о последней талье, несмотря на то, что мой банк уменьшился на две трети. Однако, когда маркиз и два других сильных игрока сговорились меня разорить, фортуна повернулась ко мне столь мощно, что к концу я оказался в выигрыше, обладателем двух или трех сотен выигранных луи. Я ушел, пообещав компании организовать такой же банк завтра. Все дамы были в выигрыше, потому что Дезармуаз имел приказ не перебивать их игру, пока она не становилась слишком крупной. Отнеся деньги в свою комнату и сказав Ледюку, что проведу ночь вне дома, я отправился к моему новому идолу, весь промокнув от сильного дождя, захватившего меня на полпути. Я застал мою любовь одетой в монашеское платье и расположившейся на римской кушетке. Крестьянка, обсушив меня, как могла, ушла, и я спросил у М. М., почему она не ждет меня в постели.

– Я никогда себя не чувствовала так хорошо, мой друг, за исключением небольшого недомогания, которое будет продолжаться, как сказала моя повитуха, еще пять недель. Так что я поднялась, чтобы поужинать, сидя за столом. Если это тебе доставит удовольствие, мы потом ляжем.

– Но тебе это также доставит удовольствие, полагаю.

– Увы! Я в растерянности. Я умираю, когда думаю о моменте, когда должна буду тебя покинуть.

– Поезжай со мной в Рим и предоставь мне действовать. Ты станешь моей женой. Мы будем счастливы до самой смерти.

– Я не могу на это решиться, и прошу тебя больше об этом не говорить.

Я был уверен в том, что проведу эту ночь вместе с ней, а пока за ужином мы вели приятную беседу. В конце ужина крестьянка передала ей пакет и пожелала нам доброй ночи. Я спросил у нее, что в пакете, и она сказала, что это подарок, который она мне обещала, ее портрет, но я не должен его видеть, пока она не ляжет. Испытывая любопытство и нетерпение, я сказал, что это каприз, а она ответила, что я его одобряю.

Я захотел раздеть ее сам и снять ее чепец, и, когда она легла, она открыла пакет и дала мне лист веленового картона, на котором я увидел изображение, очень похожее, ее, обнаженной и в той же позе, в которой была М. М. на портрете, который я ей отдал. Я аплодировал умелому художнику, который так хорошо скопировал портрет, изменив только цвет глаз и волос.

– Он ничего не копировал, – ответила мне она, – потому что у него не было времени. Он только сделал черные глаза, волосы, как мои, и копну волос более густой. Так что теперь ты можешь сказать, что имеешь в одном портрете образ и первой и второй М. М., которая, по правде говоря, должна тебя заставить забыть первую, но также исчезла в этом более приличном портрете, поскольку вот она, я, одетая по-монашески, с черными глазами. В таком виде меня можно показывать всему свету.

– Ты не можешь себе представить, насколько дорог мне этот подарок. Расскажи же, мой ангел, как ты смогла выполнить свой замысел.

– Я рассказала вчера утром его крестьянке, которая сказала, что у нее есть молочный сын в Аннеси, который учится рисовать миниатюры, но она лишь поручила ему отвезти эти две миниатюры в Женеву самому умелому из художников в этом жанре, который за четыре-шесть луи переделает их, затратив на все два-три часа. Я передала ей оба портрета, и вот, дело сделано. Очевидно, она получила их только сейчас. Когда, ты видел, она мне их передала. Завтра утром ты сможешь узнать от нее самой детали этой красивой истории.

– Твоя крестьянка – выдающаяся женщина, и я должен ей оплатить затраты. Но скажи, почему ты не хотела отдавать мне твой портрет, пока ты не разделась? Могу ли я высказать догадку?

– Догадывайся.

– Чтобы я смог безотлагательно поместить тебя в ту же позу, что и на портрете.

– Точно.

– Прекрасная идея, продиктованная Амуром, но ты, в свою очередь, должна подождать, чтобы я тоже разделся.

Мы оказались оба в чудесных костюмах невинности, я уложил М. М. так, как было изображено на картоне, и она с удовольствием подчинилась. Догадываясь, что я собираюсь делать, она раскрыла свои объятия, но я сказал ей немного подождать, так как у меня тоже есть кое-что, что может быть ей дорого.

Я достал из своего портфеля маленькое одеяние из очень тонкой прозрачной кожи, длинной восемь дюймов, не имеющее выходных отверстий, а у кошелька на входе – длинную розовую ленту. Я показываю его ей, она его рассматривает, смеется и говорит, что я, должно быть, использовал такие одеяния с ее сестрой – венецианкой, и что ей это интересно.

Я сама надену тебе его, – говорит мне она, – и ты не можешь себе представить, насколько мне это будет приятно. Скажи мне, почему ты не использовал его прошлой ночью? Мне кажется, нельзя не догадаться. Несчастливая! Что я буду делать через четыре-пять месяцев, когда уже не буду сомневаться в моей второй беременности?

– Моя дорогая подруга, мы не должны об этом думать, потому что если плохое уже произошло, лекарства от этого нет. Могу тебе однако сказать, что опыт и рассуждения сходятся на том, что известные нам законы природы позволяют надеяться, что то, что мы вчера проделали в опьянении своих чувств, не вызовет тех последствий, которых мы боимся. Говорят, и это описано, что этого не следует опасаться до появления некоторых обстоятельств, которых, полагаю, ты у себя еще не наблюдала.

– Ты прав, еще нет.

– Так что прогоним от себя эту ужасную панику, которая сейчас нас может только напрасно тревожить.

– Ты меня утешил. Но, соответственно тому, что ты мне сказал, я не понимаю, почему ты опасаясь сегодня того, чего можно было не бояться вчера. Я в таком же положении.

– События, мой ангел, часто дают опровержение самым ученым физикам, вопреки их предыдущему опыту. Природа – более знающий ученый, чем они; остережемся бросать ей вызов, и простим себя, если мы сделали это вчера.

– Я люблю слушать твои ученые рассуждения. Согласна. Будем осторожны. Ну вот, ты облачен моими руками. Это – почти такое же самое; Но, несмотря на тонкость этой кожи и ее прозрачность, этот маленький персонаж в маске мне нравится меньше. Мне кажется, что этот наряд его портит, или меня портит; либо то, либо другое.

– И то и другое, мой ангел; но отвлечемся в такой момент от некоторых умственных идей, которые лишь могут лишить нас части удовольствия.

– Мы сейчас получим его в полной мере; позволь мне сейчас действовать в меру моего разума, которое я, за всю мою жизнь, не осмеливалась распустить в этой области; это любовь изобрела эти маленькие одеяния, но необходимо присоединять их с осторожностью, и мне кажется, что это соединение должно его огорчать, так как оно относится к области темной политики.

– Увы! Это правда. Ты меня удивляешь. Но дорогой друг, мы пофилософствуем после.

– Подожди еще момент, потому что я никогда не видела мужчину, и никогда не испытывала такого любопытства, как сейчас. Я говорила, всего десять месяцев назад, что эти мешочки изобрел дьявол, а теперь я нахожу, что изобретатель не такой уж дьявол, потому что, если бы этот горбатый крючок пользовался только ими, он не заставил бы меня потерять честь и самую жизнь. Но скажи мне, прошу тебя, как допускают мирное сосуществование бесстыдных закройщиков, которые делают эти мешочки, потому что, наконец, они должны быть известны и сотню раз отлучены от церкви или подвергнуты большим штрафам и телесным наказаниям, если они евреи, как я думаю. Смотри. Тот, кто тебе его сделал, ничего не понимает в измерениях. Здесь он слишком длинен, здесь – слишком широк; это почти туннель; оно сделано для изогнутого тела. Какой дурак, невежда в своем ремесле. Но что я вижу?

– Ты меня сметишь. Это твоя ошибка. Трогай, трогай! Вот что должно произойти. Я это предвидел.

– Ты не можешь подождать еще момент. И ты продолжаешь... Мне жаль, дорогой друг; но ты прав. Ох, мой бог! Какая жалость!

– Ох! Ничего страшного.

– Как это ничего страшного? Несчастливая! Он умер. Ты смеешься?

– Дай мне посмеяться, потому что твоя тревога меня очаровывает. Ты увидишь через малое время, что маленький забавник снова восстанет, и такой полный жизни, что больше не умрет так легко.

– Это невероятно.

Я его обтираю, откладывая в сторону и показываю ей другим, который ей нравится больше, потому что она находит его более соответствующим моему росту, и она разражается смехом, когда видит, что может его надеть. М. М. была незнакома с этими чудесами природы. Ее ум, в значительной степени зажатый, не мог, до знакомства со мной, проникнуть в действительную природу вещей; едва расправившись, с эластичностью пружины, он перескочил через границы со всей быстротой своей природы, с тем, чтобы двигаться дальше более медленно. Она сказала, что если одеяние прохудится в конце во время акта, оно окажется бесполезным. Я объяснил, что такое вряд ли возможно, я рассказал, что делают эти маленькие мешочки в Англии, что продают их по-случаю, в зависимости от размера, и рассказал, как достают такую кожу. После всех этих обсуждений, мы предались любви, затем – сну, затем – снова любви, вплоть до момента, когда мне нужно было возвращаться в мое жилище. Крестьянка сказала мне, что ее молочный сын потратил только четыре луи, и что она подарила ему два. Я дал ей двенадцать. Я спал до полудня пропустив завтрак у маркиза де Прие. Но предупредил его об этом. Его любовница дулась на меня во все время обеда; но она смягчилась, когда я согласился сыграть с ней в банк; однако видя, что она играет по крупной, я не позволил ей это; увидев, что я ее пару раз поправил, она ушла в свою комнату; но ее дружок выигрывал, и я проигрывал, пока не прибыл из Женевы молчаливый герцог де Росбюри, вместе со Смитом, своим гувернером, и двумя другими англичанами. Он вошел в банк, буркнув мне что-то вроде «*удиуду сер*»¹, и стал играть, призвав своих двух друзей делать то же самое... После тальи, видя, что мой банк в агонии, я отправил Ледюка в мою комнату, чтобы он принес мой кофр, откуда я достал пять свертков по сотне луи каждый, Маркиз де Прие сказал мне холодно, что идет в половину со мной, и я просил его с той же холодностью разрешить мне не согласиться с его предложением. Он продолжил понтировать, не обижаясь на мой отказ, и когда я бросил карты, чтобы кончить, он был в выигрыше почти на две сотни луи; но большинство остальных проиграли, и особенно один из двух англичан; я оказался почти с тысячей луи. Маркиз напросился ко мне назавтра на чашку шоколада, я ответил, что сочту за честь. Препровожденный Ледюком к себе вместе со своим кофром, я направился в свою хижину, достаточно довольный проведенным днем.

Я застал моего нового ангела с некоторым выражением печали на лице.

– Молодой крестьянин, – сказала мне она, – племянник моей хозяйки, очень надежный, как она меня заверила, и знакомый с послушницей из моего монастыря, прибыл из Шамбери час назад и сказал ей, что узнал от той послушницы, что послезавтра две послушницы отправляются на рассвете, чтобы забрать меня отсюда и отвести в монастырь. Вот причина моей грусти и моих слез.

– Она должна была отправить их только через восемь или десять дней.

– Она поторопилась.

– Мы несчастны даже в своем счастье. Определяйся. Поедем в Рим.

– Нет. Я достаточно пожила. Оставь меня вернуться в мою могилу.

После ужина я сказал крестьянке, что она должна отправить своего племянника в Шамбери и наказать ему отправиться обратно только в тот момент, когда эти послушницы выйдут из монастыря; таким образом, он, едучи быстро, придет к нам за два часа раньше их; Я обещал моему ангелу оставаться с ней до самого его прибытия. Таким образом я развеял ее грусть, но я покинул ее в полночь, чтобы быть у себя утром, поскольку пригласил на завтрак маркиза, который прибыл вместе со своей любовницей и двумя другими дамами, сопровождаемыми их друзьями.

Помимо шоколада, я предложил им все, что мог придумать, и что могло быть включено в так называемый завтрак; после этого я приказал Ледюку запереть мою комнату и говорить

¹ How do you do, sir – как дела, сэр?

всем, что я не в настроении и занят написанием писем в постели, не желая никого принимать. Я сказал ему, что буду отсутствовать весь день, ночь и следующий день. Я велел ему, наконец, ожидать моего возвращения, не покидая моей комнаты. Я отправился обедать с моей любимой, решив ее покинуть не ранее, чем за полчаса до прибытия послушниц.

Когда она меня увидела и узнала, что я ее покину лишь за полчаса до прибытия двух женщин, которых аббатиса отправляет за ней, она задрожала от радости. Мы разработали проект пропустить обед, и лишь слегка поужинать, пойти лечь и не вставать, пока молодой человек не известит нас о том, что прибывают две монахини. Мы сейчас же известили об этом крестьянку, которая нашла наш проект замечательным.

Для нас часы летели быстро. В темах для разговоров недостатка не было, так как для двух влюбленных сюжетами были они сами. После весьма умеренного ужина мы провели двенадцать часов в койке, занимаясь любовью и время от времени засыпая. На следующий день, пообедав, мы снова легли, и в четыре часа крестьянка пришла нам сказать, что в шесть придут послушницы. Тогда мы приняли друг от друга все прощальные приветия, которые могли, и я запечатал последний своей кровью. Если первая М. М. такое видела, вторая тоже должна была это увидеть, и она была этим поражена, но я ее легко успокоил. Я попросил ее сберечь для меня пятьдесят луи, заверив, что приду забрать их у нее у решетки ее монастыря, прежде, чем истекут два года, и она поняла справедливость этой просьбы, которая помешала ей отказать мне в этом удовольствии. Она использовала последнюю четверть часа, проливая слезы, и я удержал свои лишь для того, чтобы не увеличивать ее горя. Пообещав крестьянке, что увижусь с ней вечером следующего дня, я вернулся к себе, где лег, чтобы подняться на рассвете и выйти на дорогу на Шамбери. В четверти лье от Экса я увидел моего ангела, которая шла медленным шагом, и двух бегинок, которые попросили у меня именем Бога милостыни. Я дал им луи и пожелал доброго пути. М. М. на меня не посмотрела.

Вернувшись обратно, я направился к крестьянке, которая мне сказала, что М. М., уходя на рассвете, просила только, чтобы та передала мне, что она ждет меня у решетки. Отдав ей для ее племянника все серебро, что у меня было, я пошел распорядиться, чтобы привязали к коляске весь мой багаж, и я бы уехал, если бы были лошади. Меня заверили, что лошади будут к двум часам. Я пошел в гостиницу и поднялся к маркизу, чтобы отдать прощальные приветствия. Я застал его любовницу одну. Я сказал ей, что должен уехать в два часа; она ответила, что я не уеду, что я должен доставить ей удовольствие остаться еще на два дня. Я ответил, что очень чувствительно отношусь к ее пожеланию, но дело большой важности заставляет меня уехать. Повторяя, что я должен остаться, она, стоя перед большим зеркалом, расшнуровала свой корсет, чтобы его поправить после того, как расправила свою рубашку. Производя этот маневр, она позволила мне видеть свои шары, созданные для того, чтобы сломить любое сопротивление, но я сделал вид, что ничего не вижу. Мне ясен был ее замысел, но я решил ускользнуть. Она поставила ногу на край канапе, на котором я сидел, и, под предлогом стремления приподнять подвязку повыше колена, позволила видеть свою стройную ногу и, перепрыгнув на другую, дала полюбоваться красотами, которые заставили бы меня сдать, если бы не вернулся маркиз. Он предложил мне перекинуться в пятнадцать, дама захотела играть вполчину со мной, я постыдился отказываться; она села возле меня и раздала карты. Когда игра завершилась, я ушел, потеряв сорок луи. Мадам сказала, что должна мне двадцать. На закуску Ледюк объявил мне, что коляска у дверей. Я поднялся, мадам, сказав, что должна мне двадцатку, хотела заплатить и предложила пройти с ней в ее комнату.

Когда мы очутились там, она сказала мне серьезно, что если я уеду, я ее опозорю, так как вся компания знает, что она вызвалась заставить меня остаться... Она сказала, что не представляет себе такого, чтобы ею пренебрегли, она толкнула меня на канапе и вернулась к своим попыткам, перевязывая передо мной свои пресловутые подвязки. Не имея возможности отрицать, что я вижу то, что мне показывают, я сдаюсь, я трогаю, я целую, она падает на меня, и

она горда тем, что видит неоспоримое свидетельство моей чувствительности; она обещает мне, присосавшись своим ртом к моему, быть моей завтра. Не зная, что делать, чтобы освободиться, я ловлю ее на слове и говорю, что иду велеть распрягать, как раз в тот момент, как входит маркиз. Я выхожу, как будто бы с тем, чтобы вернуться, слыша при этом, что он говорит мне, что даст мне реванш. Я не отвечаю. Я выхожу из гостиницы, сажусь в мою коляску и уезжаю.

Глава II

Дочери консьержа. Гороскопы. М-ль Роман.

Я остановился в Шамбери лишь для того, чтобы сменить лошадей, и прибыл в Гренобль, где, имея намерение остановиться на неделю и видя, что в гостинице буду устроен плохо, я не велел распаковывать багаж. Я нашел на почте все письма, что ожидал, среди которых одно от м-м д'Юрфэ, которое содержало в себе другое, адресованное лотарингскому офицеру по имени барон де Валенглар. Она писала мне, что он – ученый, и что он представит меня всем хорошим домам города. Я сразу пошел разыскать этого офицера и он, прочтя письмо, предоставил себя к моим услугам во всем, что от него зависит. Это был любезный мужчина среднего возраста, который за пятнадцать лет до того времени был в друзьях у м-м д'Юрфэ и еще более того у принцессы де Тудвиль, ее дочери. Я попросил у него найти мне хорошее жилье, так как в гостинице я устроился слишком плохо. Немного подумав, он сказал, что может устроить меня в превосходный дом за городом, откуда я смогу видеть Изер. Консьерж его был кулинар и, чтобы иметь преимущество быть моим поваром, он поселит меня за бесценок; поскольку дом продавался, он надеялся найти того, кому дом понравится, и кто его купит. Дом принадлежал вдове уж не помню какого президента. Мы отправились его посмотреть, я занял апартаменты из трех комнат, заказал ему ужин на двоих, предупредив, что я лакомка, гурман, и притом скупец. Я просил г-на де Валенглар отужинать со мной. Консьерж сказал, что если я останусь недоволен, я ему об этом скажу; он отправил, прежде всего, в гостиницу человека с моей запиской, в которой я приказал Ледюку переехать в мое новое жилье со всем багажом. Итак, я устроился хорошо. Я вижу на первом этаже трех очаровательных девиц и жену консьержа, которые делают мне реверанс. Г-н де Валенглар ведет меня на концерт, говоря, что там меня всем представит. Я попросил его не представлять меня никому, предоставив мне самому возможность сказать ему, когда я увижу дам, которые окажутся таковы, что внушат мне желание с ними познакомиться.

Единственная, что поразила меня во всей большой компании, была юная высокая девица скромного вида, брюнетка, весьма хорошо сложенная и одетая очень просто. Эта интересная девица, скользнув по мне разок своими прекрасными глазами, упорно более на меня не глядела. Мое тщеславие заставило меня думать, что это сделано лишь для того, чтобы предоставить мне возможность изучать в полной свободе правильность ее черт. Именно на этой девице я и остановил свой выбор, как будто бы вся Европа была не более чем сералем, предназначенным для моих удовольствий. Я сказал Валенглару, что хочу с ней познакомиться; он ответил, что она умна, что она никого не принимает и что она весьма бедна.

- Эти три качества увеличивают мой интерес.
- Уверяю вас, что тут нечего делать.
- Это именно то, чего я хочу.
- На выходе из концерта я вас представлю ее тетушке.

Доставив мне это счастье, он пошел со мной ужинать. Этот консьерж показался мне повторением Лебея. Он прислуживал мне за столом с помощью своих двух дочерей, необычайно хороших, и Валенглар был счастлив видеть меня довольным; однако он был поражен, когда на пятой перемене увидел пятнадцать блюд.

- Этот человек, – сказал он мне, – издевается над вами и надо мной.
- Этот человек, – ответил я, – угадал мой вкус. Не находите ли вы все превосходным?
- Это правда. Но...
- Ничего не опасайтесь. Я люблю расходы.
- Тогда извините. Я лишь хотел, чтобы вы были довольны.

Он подал нам изысканные вина и на десерт ратафию наилучшего качества, лучше, чем турецкая *вишневка*, что я пил у Юсуфа Али за семнадцать лет до того. Когда он появился в конце ужина, я сказал, в присутствии его дочерей, что он достоин быть первым поваром у Луи XV.

– Делайте так же как сегодня и даже лучше, если сможете; но сделайте так, чтобы я всегда имел меню накануне утром. Прошу вас также подавать мне каждый день мороженое и ставить мне на стол по меньшей мере две свечи. Я вижу здесь лампы, если не ошибаюсь, и не хочу их видеть. Я венецианец.

– Это ошибка, месье, вашего слуги, который, сказавшись больным, улегся в постель, предварительно хорошо поужинав.

– Он болен в воображении.

– Он попросил мою жену приготовить вам завтра утром шоколад, который он ей даст; но я сделаю его сам.

Валенглар, удивленный и весьма довольный, сказал мне, что, очевидно, м-м д'Юрфэ посмеялась над ним, порекомендовав ему проследить за моей экономией. Мы оставались за столом до одиннадцати часов, болтая и осушив бутылку божественного гренобльского ликера. Он состоит из водки, сахара, вишен и корицы. Я поблагодарил его, проводив до моей коляски, которая отвезла его домой; я просил его быть моим сотрапезником по утрам и по вечерам, и он обещал мне это, за вычетом дней, когда он будет на службе. Я дал ему за ужином мое кредитное письмо на Цаппату, которое индоссировал, в его присутствии, именем де Сейнгальт, под которым меня представляла м-м д'Юрфэ. Он заверил меня, что завтра же передаст его учесть, и сдержал слово. Банкир привез мне в девять часов четыре сотни луи. У меня было еще тринадцать сотен в кошельке. Я всегда боялся экономить. Я испытал сильнейшее удовлетворение, сознавая, что Валенглар опишет все, что он увидел и услышал, скупой м-м д'Юрфэ, которая всегда была недовольна, проповедуя мне экономию. Я рассмеялся, когда, войдя в свои апартаменты, увидел двух дочерей консьержа.

Ледюк не ждал, чтобы я сказал ему, что он должен найти предлог, чтобы уклониться от прислуживания мне. Он знал, что когда в домах, где я селился, имелись хорошенькие девушки, я не испытываю удовольствия от его присутствия.

При виде этих двух девушек, имевших облик весьма порядочный, старавшихся мне услужить с самым большим доверием, мне явился каприз убедить их, что я его заслуживаю. Они меня разули, причесали на ночь и принесли мне, со всем уважением, рубашку. Когда я лег, я сказал им запереть меня и принести мой шоколад в восемь часов.

Я не мог помешать себе погрузиться в свои мысли и почувствовать себя счастливым. Превосходное здоровье в цветущем возрасте, без малейших обязанностей, без всякой нужды задумываться о будущем, поскольку имел много денег, не зависящий ни от кого, счастливый в игре и, по преимуществу, добивавшийся женщин, которые меня интересовали, я имел полное право говорить себе: *«Будь счастлив!»*.

Я заснул, думая о девушке, которая меня так поразила в концерте. Уверенный в том, что познакомлюсь с ней, я любопытствовал, что же из этого будет. Она была умна и бедна, а я умен и богат: она не должна была отвергнуть мою дружбу. Назавтра, в восемь часов, я увидел, что моя дверь открылась, и одна из дочерей консьержа, принеся мой шоколад, сказала, что Ледюк почувствовал лихорадку, и что ее кузина пошла отнести ему бульону в постель. Я нашел, что мой шоколад приготовлен отлично, спросил ее имя, она ответила, что ее зовут Роза, а ее сестру Манон, и та появилась с моей отутюженной рубашкой. Я поблагодарил ее и сказал, что она должна заботиться только о глажке кружевных рубашек. Славная Манон сказала, краснея, что причесывала своего отца, а Роза сказала, смеясь, что она его и брила.

– Итак, – ответил я, – вы обе будете проявлять ко мне ту же заботу вплоть до выздоровления Ледюка.

Любопытствуя посмотреть, как меня будет брить эта девочка, я побыстрее поднялся, в то время как она отправилась за горячей водой. Манон выставила на моем туалетном столике пудру, помаду и все то, что может ей понадобится. Роза вернулась, и, после того, как она превосходно справилась с делом, я вознаградила ее усилия, подставив ей свое побритое и умытое лицо – она не могла оказаться более умелой. Она меня не поняла; я сказал ей серьезным, но нежным тоном, что она меня оскорбит, если немедленно не поцелует. Она уклонилась с тонкой улыбкой, сказав, что это не модно в Гренобле; я настаивал; я сказал, что она меня больше не будет брить; Вошел ее отец с картой меню, он слышал диалог и сказал, что это модно в Париже, что она его также целует после бритья и должна быть такой же вежливой со мной, как и с ним. После этого она поцеловала меня с покорным видом, заставившим рассмеяться Розу.

– Твоя очередь настанет, – сказал он ей, – когда ты уберешь его волосы.

Это был верный способ заставить меня усомниться на его счет, но это было излишне, я считал его порядочным человеком, и видел, что он ушел от меня весьма довольным. Я установил ему на будущее фиксированную цену за день, не желая иметь заботу изучать счет каждый раз.

Манон меня причесала так же хорошо, как моя бывшая гувернантка, которую я вспоминал каждый раз с удовольствием, и затем поцеловала, показав себя менее стеснительной, чем сестра. Я многого ожидал от обеих. Они вышли, когда увидели, что пришел банкир, заявивший, что принес мне четыре сотни луи.

Этот банкир, молодой человек, сказал, отсчитав мне сумму, что, поселившись в этом доме, я должен почитать себя счастливым.

– Разумеется, – ответил я, – потому что эти две сестры очаровательны.

– И их кузина еще более хороша. Они умны.

– И я полагаю их вполне самостоятельными.

– У их отца две тысячи ливров ренты; они станут женами торговцев и они смогут выбирать.

После его отъезда я спустился, любопытствуя увидеть кузину. Вижу консьержа, спрашиваю, где комната Ледюка, и он показывает мне дверь. Я захожу и вижу его в постели, в комнатном платье, с книгой в руке и с лицом, не похожим на лицо больного.

– Как ты?

– Ничего. Я заболел вчера, когда увидел этих трех принцесс, которые стоили гувернантки из Золотурна, той, что не захотела, чтобы я ее поцеловал. Меня, однако, заставляют слишком долго ждать бульона.

– Месье Ледюк, ты наглец.

– Вы хотите, чтобы я выздоровел?

– Я хотел бы, чтобы эта комедия закончилась, потому что она меня утомляет.

Я вижу, появляется бульон, принесенный кузиной. Я нахожу, что банкир был прав. Я отмечаю, что, обслуживая Ледюка, она выглядела хозяйкой, в то время как мой испанец имел вид обычный.

– Я буду обедать в постели, – говорит он ей.

– Вас обслужат.

Она вышла.

– Она строит из себя принцессу, – говорит он мне, – но она мне таковой не кажется. Вы находите ее хорошенькой, не правда ли?

– Я нахожу тебя дерзким. Ты обезьянничает, и ты мне не нравишься. Вставай и иди прислуживать мне за столом. Потом ты поешь один, и тебе окажут уважение; Но ты не ляжешь больше в этой комнате. Консьерж укажет тебе, где будет твоя кровать.

Встретив эту кузину по выходе, я сказал ей, что завидую чести, которую она оказывает моему слуге, и прошу ее больше не беспокоиться. После чего говорю консьержу, чтобы он

уложил того в кабинете, куда я мог бы звонить ему ночью, если мне он понадобится. Затем я пошел писать, вплоть до прихода Валенглара.

Я встретил его, обняв и поблагодарив за то, что он поселил меня, как я того хотел. Он сказал, что зашел, чтобы нам пойти нанести визит даме, которой он меня представил. Она была женой адвоката по имени Морен и тетей девицы, которая меня интересуется; как он ее попросил, и как ему обещали, за ней было послано, и она должна была провести с ней весь день.

Превосходно поев, мы направились к м-м Морен, которая встретила меня с парижской непринужденностью. Она была матерью семерых детей, которых мне представила. Ее старшая дочь, которой было двенадцать лет и которая не была ни красивой, ни дурнушкой, показалась мне четырнадцатилетней, о чем я ей и сказал. Она пошла за книжкой, в которой показала мне записанными год, день, час и минуту ее рождения. Видя такую точность, я спросил у нее, составляли ли ее гороскоп; она ответила, что не нашлось никого, кто мог бы доставить ей это удовольствие. Я заметил, что это никогда не поздно; и Бог знает зачем захотел добавить, что я – тот, кто ей его доставит.

В этот миг вошел Морен, она его мне представила и после обычных вежливостей вернулась к вопросу о гороскопе. Этот человек разумно заметил, что астрология это либо наука, либо ошибка, по крайней мере вызывающая большое сомнение, как он уже давно убедился, но что в конце концов он от нее отказался, довольствуясь несомненными истинами, которые дает астрономия. Валенглар, который понимал в астрологии, дал ему бой; тем временем я скопировал дату рождения м-ль Морен. Ее отец улыбался, целуя ее в голову, и я видел, о чем он думает; но я был весьма далек от мысли его опровергать. Я решил в этот день быть астрологом.

Но вот вошла прекрасная мадемуазель, и ее тетушка обозначила подарок именем Роман-Купье, дочери своей сестры. Она немедленно поведала всем о горячем желании с ней познакомиться, которое она внушила мне в концерте. Та ответила только тем, что покраснела, отдав мне прекрасный реверанс и опустив черные глаза, прекрасней которых я не припомню, чтобы видел. Ей было семнадцать лет, у нее была очень белая кожа, волосы черные, с очень небольшим количеством пудры, интересный рост, превосходные зубы, и на устах грациозная улыбка, скромная и одновременно любезная.

После нескольких общих фраз г-н Морен удалился по своим делам, была предложена игра в *кадриль*², в которой меня постигло невероятное горе в виде проигрыша одного луи. Я нашел в м-ль Роман светлый ум, без притворства, без блеска и какой-либо претензии, ровную веселость и замечательное умение делать вид, что не слышит в репликах слишком лестного комплимента или острого словечка, которого она не могла бы оценить, не выказав осведомленности в том, что должна была бы не знать. Одета очень просто, она не имела на себе ничего лишнего, что демонстрировало бы некоторый недостаток, никаких серег, перстней, часов, лишь черную ленточку на шее с маленьким золотым крестиком. Кроме этого, ничто не мешало мне любоваться ее прекрасной шеей, которую мода и воспитание заставили обнажить лишь на треть, с той же невинностью, что позволяла ей демонстрировать свои ланиты, где розы смешивались с лилиями. Изучая ее поведение, чтобы понять, могу ли я надеяться, я не мог ничего понять; она не делала никакого движения навстречу; она не дала мне никакого ответа таким образом, чтобы подать мне малейшую надежду; но она также не давала ни малейшего повода для отчаяния. Небольшой демарш дал мне однако некоторую надежду. Во время ужина, под предлогом поправить ее салфетку, я слегка пожал ей бедро и не заметил на ее лице ничего, что говорило бы о том, что она не одобряет мою вольность. Я просил всю компанию прийти завтра ко мне обедать и ужинать, заверив м-м Морен, что я не выхожу, и что таким образом она может воспользоваться моей коляской, которая будет ждать у ее дверей. Доставив Валенглара домой, я направился к себе, строя воздушные замки по поводу победы над м-ль Роман. Я

² карточная игра

сообщил консьержу о том, что завтра мы будем обедать и ужинать вшестером. Ледюк уложил меня в постель, сказав, что, наказывая его, я наказал сам себя, и спросив, будет ли он меня причесывать. Я сказал, что он может пойти прогуляться по Греноблю, возвратившись домой только ко времени, когда нужно будет прислуживать за столом.

– Я подцеплю дурную болезнь.

– Я отправлю тебя лечиться в больницу.

Дерзкий, наглый, распутный, но послушный, неболтливый и верный, – я должен был его терпеть. Назавтра Роза, придя с моим шоколадом, сказала, смеясь, что мой слуга, наняв себе слугу и коляску и одевшись сеньором, со шпагой на боку, отправился, как он сказал, делать визиты. Мы посмеялись. Минуту спустя вошла Манон. Я заметил, что эти девушки явно дали друг другу слово не оказываться наедине со мной друг без друга. Мне это не нравилось. Две или три минуты спустя, поднявшись, я увидел кухню с пакетом под мышкой.

– Я очарован видеть вас, моя прекрасная мадемуазель, и видеть при этом вас смеющейся, потому что вчера вы показались мне слишком серьезной.

– Это потому что г-н Ледюк, очевидно, гораздо более высокий сеньор, чем вы, и вы понимаете, что я не должна была сметь смеяться; но вы не можете себе представить, как я смеялась, когда полчаса назад я видела его, всего в золоте, сажающегося в коляску.

– Он видел, что вы смеетесь?

– Ну, если он не слепой.

– Он будет уязвлен.

– Мне это приятно.

– Вы очаровательны. Что у вас в этом пакете?

– Изделия из кожи. Смотрите. Это перчатки, пошитые и покрытые вышивкой, мужские и женские.

– Я нахожу их отличными. Сколько же приносит вам это ремесло?

– Вы занимаетесь торговлей?

– Непременно.

– Будем это знать.

Они немного переговорили между собой, кухня взяла перо, отсчитала дюжину, пометив разные цены, сложила и сказала мне, что все это стоит двести десять ливров. Я дал ей девять луи и сказал, что мне следует вернуть четыре ливра.

– Вы мне сказали, что вы торговец.

– Вы напрасно мне поверили.

Она покраснела и дала мне четыре ливра. Роза меня побрила, и они выдали мне, не ломаясь, мое вознаграждение, и кухня, которая была последней, дала почувствовать мне свой язык, увлажненный нектаром. Я увидел, что она окажется благосклонной при первой же okazji. Роза спросила, могут ли они прислуживать за столом.

– Я прошу вас об этом.

– Но мы хотели бы знать, для кого вы даете обед, потому что если это офицеры гарнизона, – они почти все такие нахалы, что мы не осмелимся.

Я сказал им, что это для м-м Морен и м-ль Роман, и они были рады. Кухня сказала, что в Гренобле нет ни более красивой, ни более умной девушки, чем м-ль Роман, но что ей будет трудно найти мужа, потому что у нее ничего нет; Я ответил, что найдется богатый человек, который оценит в миллион ее красоту и ум. Причесав меня, Манон ушла, вместе со своей кухней, и Роза, оставшись, чтобы меня одеть, была мною слегка атакована; однако, встретив слишком стойкое сопротивление, я попросил у нее извинения, заверив, что это не повторится. Одевшись, я заперся, чтобы составить гороскоп, который обещал м-м Морен. Я легко набросал восемь страниц наукообразной галиматии. Будучи осведомлен о том, что могло произойти с ее дочерью до ее теперешнего возраста, и указав об этом правильно, я не дал оснований под-

вергнуть сомнению мои предсказания на будущее. Я ничем не рисковал, потому что они все были подкреплены всякими «если». Эти «если» составляют всю суть науки астрологов, всегда глупцов или мошенников. Перечитав этот гороскоп и найдя его замечательным, я не был этим удивлен. Будучи знатоком в кабале, я должен был оказаться таковым же и в астрологии.

Получасом после полудня вся компания прибыла, и в час мы были уже за столом. Я понял, что консьерж был человеком, которого следует скорее сдерживать, чем пытаться поощрять. М-м Морен была весьма грациозна со своими тремя дочерьми, которых она знала очень хорошо, и Ледюк держался все время за ее стулом, очень внимательный в услужении, одетый в платье получше моего. В конце обеда м-ль Роман сделала мне комплимент по поводу трех красоток, которых я имел в услужении в этом чудесном доме, я поговорил об их талантах, и, сходя за перчатками, которые закупил, увидел, что они ей настолько понравились, что она согласилась принять дюжину, ободренная своими тетей и кузиной, которые оказали мне ту же честь. После этого я передал м-м Морен гороскоп ее дочери, который прочел ее муж. Хотя он и не понял ничего, он должен был им восхититься, поскольку все выглядело в соответствии с влиянием планет, которые выражали состояние небес в минуту рождения дочери. Проведя пару часов в разговорах об астрологии, и пару других – в игре в кадрили, мы пошли прогуляться в сад, где, проявив вежливость, мне предоставили возможность поболтать в полной свободе с прекрасной Роман. Все речи, что я с ней вел, касались только страсти, которую она мне внушила, ее красоты, ее ума, чистоты моих намерений и необходимости для меня быть ею любимым, чтобы не остаться несчастным на весь остаток моих дней. Она ответила, что если Бог судил ей иметь мужа, она была бы счастлива, если бы он был похож на меня; Я прилепился губами к ее руке и, весь в огне, сказал ей, что надеюсь, что она не заставит меня томиться в ожидании. Она повернулась, ища глазами свою тетю. Стемнело, и она опасалась того, что могло бы приключиться.

Мы вернулись в помещение, где, для их развлечения, я устроил небольшой банк в фараон. М-м Морен дала денег обеим девицам, у которых не было ни су, и Валенглар настолько хорошо повел свою игру, что, когда я окончил свою талью, чтобы идти ужинать, я имел удовольствие видеть, что каждая из них выиграла.

Мы оставались за столом вплоть до полуночи. Ветер, спустившийся с Альп, был очень силен, и я не осмелился настаивать на прогулке в саду. М-м Морин ушла, осыпав меня благодарностями, и я расцеловал ее, однако со всей благопристойностью.

Услышав пение на кухне, я захожу туда и вижу Ледюка, пьяного настолько, что не может держаться на ногах. Когда он меня увидел, он приблизился, чтобы попросить прощения, и упал, затем его вырвало. Его отнесли в кровать. Я счел этот случай достойным, чтобы над ним посмеяться, и так бы и случилось, если бы не пришли девушки, все вместе. То, что проходит один раз, не годится во второй. Характер этих девиц был таков, что я не мог бы заниматься ими иначе, чем по одной за раз, все время без ведома остальных. Я не мог подвергнуть неуспешной атаке одну, что повлекло бы затем потерю всякой надежды иметь их одну за одной. Я видел, что Роза в открытую ревновала к кузине, шпионя за моими взглядами. Когда я улегся в постель, я поблагодарил их, и они ушли.

На другой день Роза вошла одна, спросив у меня брикет шоколада и говоря мне, что Ледюк болен всерьез. Она принесла мне мой сундучок, и, дав ей брикет шоколада, я взял ее за руку и дал ей почувствовать, что люблю ее; она притворилась оскорбленной и ушла. Пришла к моей постели Манон, показав порванную мной манжету и спросив, не хочу ли я, чтобы она ее зашила. Я взял ее за руку, наклоняясь, и когда она увидела, что я хочу ее поцеловать, она ее отдернула, наклонилась сама и позволила мне принять поцелуй, который я видел на ее полуоткрытых губах; я быстро снова схватил ее за руку, но дело прервалось, потому что вошла кузина. Манон отдернула свою руку и, держа манжету, притворилась, что выслушивает мой ответ. Я

сказал ей рассеяннo, делая вид, что не вижу кузину, что она доставила бы мне удовольствие, починив манжету, когда у нее будет время, и она ушла.

Доведенный до крайности этими двумя происшествиями, я решил, что кузина от меня не упрыгает, потому что накануне я уже получил от нее авансы. Я попросил у нее платок, она дала его, не упоминая поцелуя, и оставила мне свою руку, и дело было бы сделано, если бы не пришла Роза с моим шоколадом. Ничего не было легче для меня и для кузины, чем принять мгновенно непринужденный вид, но это третье происшествие привело меня в ярость. Я хотел убить Розу; но я должен был успокоиться, я сердился, но имел на это право при том, что она меня оттолкнула четверть часа назад. Шоколад показался мне плохо приготовленным; это было не так, но я ей об этом сказал. Я поднялся, я не захотел, чтобы она меня побрила, но позволил, чтобы Манон меня причесала; две другие вышли, притворяясь, что делают общее дело, но Роза при этом старалась больше, чем Манон. В этот момент появляется Валенглар.

Этот человек, обладающий большим достоинством и здравым смыслом, несмотря на то, что мнил себя знатоком в абстрактных науках, сказал мне за обедом, что находит меня немного грустным, и что если это происходит от мыслей, связанных с юной Роман, он советует от них отказаться, по крайней мере если я не решаюсь просить ее себе в жены. Я ответил, что уезжаю через несколько дней.

Мы увидели ее у ее тети. Она встретила меня с дружеским видом, который меня порадовал и побудил ее поцеловать, усадив себе на колено. Ее тетя рассмеялась, она слегка покраснела и дала мне маленькую бумажку, затем убежала. Я прочел на ней год, день, час и минуту ее рождения; я все понял. Ее бегство из моих объятий должно было сказать, что я могу рассчитывать на некоторые милости с ее стороны, лишь составив ее гороскоп. Думая сыграть на этом, я сказал ей, что отвечу, смогу ли я доставить ей это удовольствие или нет, за следующий день у меня и за ночь танцев. Она смотрит на свою тетю, и мое предложение одобрено.

Объявляют о приходе *русского*. Я вижу мужчину моего возраста, очень *комильфо*, одетого по-дорожному, немного тонкокостного. Он представляется, м-м Морен оказывает ему грациозный прием, он хорошо говорит, он грустно посмеивается, на меня почти не смотрит и не говорит ни слова м-ль Роман. К вечеру приходит г-н Морен, и русский дает ему флакон, наполненный белой жидкостью; затем он собирается уйти, но его оставляют ужинать.

За столом говорят о его замечательной жидкости. Г-н Морен говорит мне, что в три минуты она заставила исчезнуть ушиб на лице молодого человека, нанесенный отскочившим поленом, которое, как думали, проломило кость. Месье *русский* всего только потерял его своей жидкостью. Тот скромно сказал, что это только пустяк его собственного изготовления, и он много говорил о химии с Валенгларом. Я был занят только моей красоткой, надежда овладеть ею завтра лишала меня аппетита. Когда я провожал Валенглара к нему на квартиру, тот сказал, что никто не знает этого русского, и, несмотря на это, он принят во всех домах.

– Есть ли у него экипаж?

– Ничего – ни слуги, ни денег, он здесь уже две недели; но он ничего ни у кого не просит. В гостинице ему предоставили кредит; полагают, что он ожидает откуда-то своих слуг и свой экипаж.

– Логичнее предположить, что он бродяга;

– У него не тот вид, как вы сами видели; и к тому же у него перстни с хорошими камнями. Их видели.

– Могут ошибаться. Он их продаст.

Когда я вернулся к себе, пришла Роза, чтобы причесать меня на ночь, продолжая при этом дуться. Я уговаривал ее быть повеселее, но, увидев, что она упорствует, сказал оставить меня спать и сказать отцу, что я хочу дать бал в следующую ночь в зале на первом этаже, примыкающей к саду, и ужин на восемнадцать-двадцать персон. На завтра с утра я подтвердил распоряжение, сказав, что хочу, чтобы его дочери тоже танцевали.

В тот момент, когда он выходил с Розой, вошла Манон и подошла к моей кровати, чтобы узнать, какие я хочу кружева; но это был только предлог: я нашел ее нежной как овечка и влюбленной как голубка, и мы покончили с вопросом; но момент спустя Роза преподнесла нам сюрприз. Она вошла вместе с Ледюком, который пришел спросить моего позволения тоже танцевать, обещая быть разумным, и Роза за него поручилась. Я согласился, сказав, что он должен благодарить м-ль Розу.

Я получил записку от М-м Морен, которая спрашивала, можно ли пригласить на мой бал двух дам, своих знакомых, вместе с их дочерьми, и я ответил, что она доставит мне удовольствие, пригласив также и мужей, имея в виду, что стол будет накрыт на двадцать человек.

Она пришла обедать вместе с племянницей и Валенгларом, ее дочь занималась своим долгим туалетом, а муж был занят делами до ночи; таким образом, мы обедали только вчетвером, но она заверила, что к ужину будет многочисленная компания.

Роман была в том же платье и причесана как обычно, но для меня она не могла показаться более красивой. Сначала, сев передо мной и касаясь своими коленями моих, она спросила, думал ли я о ее гороскопе. Я ответил, взяв ее за руку и заставив сесть мне на колени, что она получит его послезавтра. В этой позиции я десяток раз поцеловал очаровательный рот этого небесного создания, которому я был рожден составить судьбу, но она открыла его только для того, чтобы просить меня умерить свое пламя. Она была скорее удивлена, чем оскорблена, видя меня дрожащим, но, защищаясь от меня, она не нарушала спокойствия своего лба, не отворачивала лица, не отводила своих глаз от моих. Уступая ее просьбам, я успокоился, и она не двигалась. Я увидел в ее глазах выражение удовлетворенности, которую приносит победа, одержанная над сильным противником, когда побежденному говорят: «Нападай на меня еще, если тебе хватит смелости». Я молча аплодировал доблести великолепной Роман.

М-м Морен уселась на мое другое колено, чтобы спросить о некоем выражении в гороскопе ее дочери. Она сказала, что для того, чтобы увериться, что на моем балу будут четыре красавицы, ей пришлось написать лишь два приглашения.

– У меня будет только одна, вскричал я, глядя на ее племянницу.

– Бог свидетель, – сказал Валенглар, – что весь Гренобль будет судачить завтра об этом бале.

– Будут говорить, – заявила Морен своей племяннице, – что дело идет к твоей свадьбе.

– Да. Будут говорить о моем превосходном платье, о моих кружевах и бриллиантах.

– О вашей красоте, – сказал я ей с серьезным видом, – о вашем уме и вашей образованности, которые составят счастье человеку, который вас получит.

Все промолчали, потому что полагали, что я говорю о себе. Если бы я знал, как это подать, я предложил бы ей пять сотен луи, но трудность состояла в том, чтобы договориться, потому что я не хотел их давать впустую.

Мы вошли в мою спальню, и пока Роман развлекалась, рассматривая красивые игрушки, разложенные на моем туалете, ее тетя и Валенглар изучали брошюры на моем ночном столике. Я увидел, как она подошла к окну и внимательно разглядывала вещь, которую держала в руках. Я вспомнил, что оставил там портрет М. М. Я подхожу к ней и прошу вернуть мне этот неприличный портрет. Она отвечает, что нет никакого неприличия, но то, что ее удивляет, это некое сходство.

Я вижу все и вздрагиваю от своей невольной нескромности.

– Мадам, – говорю я ей, – это портрет венецианки, которую я любил семь лет назад.

– Я верю, но это удивительно. Эти два М, эти религиозные принадлежности, посвященные любви, все это усиливает мое удивление.

– Она монахиня и ее зовут М. М.

– И моя дальняя родственница, живущая в Шамбери, зовется так же М. М., и она монахиня того же ордена, что и ваша. Я скажу вам сразу. Она была в Эксе, откуда вы приехали, чтобы излечиться от болезни.

– я ничего об этом не знаю.

– Если вы окажетесь в Шамбери, нанесите ей визит от моего имени, и ваше удивление станет равным моему.

– Мадам, обещаю вам заехать туда после моего возвращения из Италии; но я не стану показывать ей этот портрет, который я сейчас запру.

– Не показывайте его никому, прошу вас.

К восьми часам пришли все приглашенные, и я увидел у себя все, что есть в Гренобле самого красивого среди женщин и самого галантного среди мужчин. Единственное, что меня слегка стесняло, это обилие комплиментов, на которые не скупятся во всех провинциальных городах Франции.

Я открыл бал с дамой, которую мне указал Валенглар, и танцевал по очереди с каждой, но контрдансы – только с одной Роман, которая положительно блистала, хотя и была одета с большой простотой, более всех прочих.

После сложного контрданса я поднялся к себе в комнату, чтобы одеться более легко, и через минуту вижу кузину, которая спрашивает, не нужно ли мне чего.

– Вас кто-нибудь видел входящей сюда?

– Нет, так как я спустилась сверху. Мои кузины в зале.

– Милая моя, вы прекрасны как небесное светило, и я должен заявить, что я вас обожаю.

– Что вы делаете? Нет, нет, кто-нибудь может войти. Погасите свечу.

Я погасил и мне, полному впечатлений от Роман, казалось, что я с ней, но мне не нужно было иллюзий, потому что и она была очаровательна. Я бы не нашел, возможно, Роман столь живой. Она просила меня побереечь ее, и это было сказано как раз в момент, когда это следовало сказать; я хотел возобновить, но она побоялась и ушла. Я снова зажег мою свечу и, переодевшись, спустился.

Мы танцевали вплоть до момента, когда король всех консьержей пришел сказать, что стол накрыт.

Я увидел стол с закусками, уставленный всем, что было самого изысканного; но что понравилось более всего, особенно дамам, это множество свечей. Компания состояла из тридцати человек, я не сел за общий стол, а за другой, поменьше, где вместе со мной с удовольствием расселись ветераны. Они все осыпали меня неотступными просьбами провести в их городе осень, и я уверен, что они бы меня чествовали, так как знать этого города известна своим благородством. Я сказал им, что если я смогу здесь задержаться, я был бы счастлив познакомиться с семьей просвещенного человека, который был большим другом моего отца.

– Что же это за семья? – спросили у меня.

– Бушеню де Вальбонэ.

– Это был мой дядя. Да, месье! Приходите к нам. Вы танцевали с моей дочерью. Скажите мне, ради бога, как звали вашего отца.

Эта басня, которую я тут же придумал, произвела театральный эффект и сделала из меня героя дня. Мы поднялись все вместе и возобновили бал.

После контрданса, видя, что м-м Морэн, ее племянница и Валенглар вышли в сад, чтобы освежиться, я вышел также и, прогуливаясь при свете луны, увлек Роман в укрытую аллею, но соблазнительные речи, которые я с ней повел, оказались напрасны. Зажатая в моих объятиях, одушевленной самой пылкой любовью, она не могла ускользнуть от жара моих поцелуев, но ее прекрасный рот не вернул мне ни одного, и ее прекрасные руки, более сильные, чем мои, ставили все время препятствия моим попыткам. Прибегнув к последнему штурму и находясь

в двух или трех пальцах от того, чего я вождедел, я окаменел от ее слов, сказанных ангельским тоном:

– Ах, месье! Останьтесь мне другом и не губите меня.

Я просил у нее прощения на коленях, мы отыскиали ее тетю, и мы вернулись в залу, но я был в ярости.

Я сел в углу, я увидел Розу и попросил ее принести мне лимонаду. Она упрекнула меня, принеся его, за то, что я не танцевал ни с нею, ни с ее сестрой, ни с кузиной. Я ответил, что я устал, но если она обещает мне быть ко мне доброй, я буду танцевать менуэт только с ней.

– Что я должна сделать? – спрашивает она.

– Чтобы вы подождали меня без света в моей спальне, когда ваши сестра и кузина будут заняты в контрдансе.

– И вы будете затем танцевать только со мной?

– Даю вам в этом слово.

– Буду вас ждать.

Я пошел туда, я нашел ее влюбленной, и почувствовал себя удовлетворенным. Я воздержался танцевать с ней менуэт, потому что был уверен, что больше танцевать не будут, и по чести я не смог бы уклониться станцевать также и с остальными двумя.

На рассвете дамы начали потихоньку удаляться. Усадив Морэн и ее племянницу в коляску, я сказал, что днем не увижусь с ними, но если они хотят приехать провести у меня следующий день, я дам им гороскоп, который они так хотят получить.

Я направился в буфетную, чтобы поблагодарить славного консьержа, который выполнил все с блеском, и увидел там всех трех его девочек, которые освобождали свои карманы от сладостей; Он сказал им снисходительно, что они могут красть все это на здоровье и в присутствии хозяина. Я сказал ему, что буду обедать в шесть часов, и отправился спать.

Но, проспав только до полудня, я стал работать, не выходя из постели, над гороскопом. Я решил предсказать ей, что ее судьба ждет ее в Париже, где она станет любовницей его владыки, но что она должна отправиться туда, не теряя времени, потому что если она пропустит свою восемнадцатилетнюю годовщину, не попав туда, где монарх сможет ее увидеть, ее судьба свернет на другой путь. Чтобы придать моему предсказанию необходимый кредит доверия, я назвал удивительные события, которые должны с ней приключиться в ее нынешние семнадцать лет. Я перечислил их в беспорядке, как с нею самой, так и с ее тетушкой, придав им видимость, что не обращаю на них внимания. Используя «Книгу эфемерид»³, которая у меня была, и другую, трактующую вопросы астрологии, я составил и переписал набело, по меньшей мере, за шесть часов, гороскоп этой девушки, с целью удивить Морэн и Валенглара и внушить женщинам слепую веру в меня. Я надеялся, что меня попросят отвезти самому в Париж прекрасное сокровище, и чувствовал себя вполне готовым заняться этим; я льстил себя надеждой, что меня сочтут необходимым для этой затеи, и что и без любви близкое знакомство предоставит мне все, чего я желаю; Мне казалось даже, что я предвижу свою большую удачу, которая рикошетом может зависеть от моего предприятия. Монарх должен в нее влюбиться, едва он ее увидит, я в этом не сомневался. Впрочем, что же это за влюбленный мужчина, который не воображает себе, что объект его любви должен нравиться всем на свете? В настоящий момент я бы ревновал, но, зная себя, не сомневался, что перестал бы быть ревнивцем, едва овладев моим сокровищем. Я знал, что Луи XV в этой области не вел себя подобно турку. То, что придавало моей пророческой диатрибе видимость божественного пророчества, было предсказание появления сына, который составит счастье Франции и который может произойти только от королевской крови и от избранницы божьей, которые, однако, ничего не смогут сделать, если людские усилия не направят ее в столицу.

³ астрономические таблицы

Идея прославиться в области астрологии в моем веке, когда разум настолько ее обесславил, наполнила меня радостью. Я наслаждался, видя себя востребованным монархами и ставшим недостижимым в старости. Если бы Роман разродилась дочерью, я бы, тем не менее, смеялся. Мой гороскоп должен был быть известен только ей и ее семье, которые должны были весьма заботиться о сохранении его в секрете. Закончив, я прочел и перечел мой шедевр, очень хорошо пообедал со своими тремя девицами, не желая выходить из постели. Будучи равным образом любезным с каждой из них, я старался им понравиться; впрочем, я нуждался в передышке. Я был уверен, что они должны быть в равной степени довольны и лишены ревности, потому что каждая должна была полагать себя фавориткой.

На следующий день в девять часов я увидел Валенглара, который сказал, что никто не считает меня влюбленным в Роман, но в трех девушек консьержа. Он спросил меня, может ли он описать все м-м д'Юрфэ, и я ответил, что он мне этим доставит удовольствие.

Тетя и племянница пришли вместе с г-ном Морэн в полдень, и мы провели час перед обедом, читая гороскоп. Мне трудно описать удивление всех четверых. Роман, очень серьезная, слушала и не знала, что сказать. Г-н Морэн поглядывал на меня время от времени и, видя серьезным, не решался смеяться. Валенглар изображал на своей физиономии фанатизм; и, наконец, – м-м Морэн, которая в конце чтения принялась рассуждать. Не допуская до себя удивление этим предсказанием, она нашла, что ее племянница имеет больше прав, чем Ментенон, стать женой или любовницей короля.

– Это, – говорила она, никогда бы не произошло, если бы она не явилась во Францию, покинув Америку⁴, и если моя племянница не поедет в Париж; гороскоп нельзя будет изобличить во лжи. Речь идет о том, чтобы туда отправиться; но как это сделать? Этот вояж граничит с невозможностью. Предсказание о рождении мальчика вполне божественное, и я тут ничего не понимаю; но она имеет больше шансов стать близкой королю, чем Ментенон; моя племянница молода и умна, та, другая – в своем закате, и у нее были галантные приключения. Но это путешествие нереально.

Валенглар сказал с серьезным видом, что это путешествие получится, потому что судьба должна свершиться, а г-н Морэн сказал, что «*Astra influant non cogunt*»⁵. Мадемуазель была поражена, и я оставил их за обсуждением. Мы сели за стол.

Мы вернулись к обсуждению за десертом.

– Согласно гороскопу, – снова начала м-м Морэн, – король должен влюбиться в мою племянницу на ее восемнадцатом году: ей сейчас восемнадцать. Что делать? Откуда взять сотню луи, по меньшей мере, которые нужны, для этого путешествия? И, прибыв в Париж, она, что, пойдет к королю и скажет: «Вот она, я, сир»? И с кем она поедет? Не со мной же.

– С моей тетей Роман, говорит мадемуазель, краснея до ушей от бестактного смеха, который никто не мог сдержать.

– Между тем, – подхватила м-м Морэн, – это может произойти очень естественно, потому что м-м Варнье, которая живет на улице Ришелье, над кафе де Фуа, – твоя тетя. Она имеет хороший дом и знает весь Париж.

– Видите, – говорит Валенглар, – эти пути судьбы? Вы говорите о сотне луи. Вам нужно только двенадцать, чтобы отправиться нанести визит м-м Варнье, которая поселит мадемуазель; и когда она будет там, предоставьте остальное судьбе.

– Если вы отправитесь в Париж, – говорю я Роман, – не следует говорить о гороскопе ни вашей здешней тете, ни м-м Варнье.

– Я не буду ни с кем говорить, но поверьте мне, все это лишь красивая мечта. Я никогда не увижу Парижа, и еще менее того, Луи XV.

⁴ м-м Ментенон приехала с Мартиники – прим. перев.

⁵ Звезды влияют, но не приказывают – лат изречение

– Подождите секундочку.

Я беру сверток, где у меня спрятаны пятьдесят *дублонов да охо*, что составляет более ста пятидесяти луи, и передаю его Роман, говоря ей, что это конфеты. Она находит сверток слишком тяжелым, разворачивает и видит пятьдесят прекрасных медалей, в которых не признает монеты. Валенглар говорит ей, что они из золота, и м-м Морэн добавляет, что ювелир ей даст за них сто пятьдесят луи. Я прошу ее их сохранить и сделать мне вексель на эту сумму, имеющий хождение в Париже, когда она будет богата. Она возвращает мне сверток, заверяя в своей благодарности. Я был уверен в том, что она от него откажется, но был восхищен силой, с которой она удерживала слезы, сохраняя при этом улыбку на лице.

Мы направились в сад, где обсуждение гороскопа между м-м Морэн и Валенгларом возобновилось, а я от них отделился, увлекая мадемуазель за руку.

– Скажите мне, прошу вас, – говорит мне она, – не является ли все это дурачеством.

– Это серьезно, но все зависит от одного «если»: если вы не поедете в Париж, все это окажется впустую.

– Вы должны этому верить, так как без этого вы не захотели бы дать мне пятьдесят медалей.

– Не думайте об этом. Возьмите их сейчас же под секретом.

– Я вас благодарю, но почему вы хотите дать мне столь громадную сумму?

– В надежде, что вы почувствуете ко мне любовь.

– Если вы меня любите, зачем же мне противиться? Вам не нужно покупать мое согласие. Я вам, однако, благодарна. Я думаю о том, что для счастья мне не нужен король Франции. Если бы вы знали, к чему устремляются мои желания!

– Скажите. К чему?

– Иметь нежного супруга, достаточно богатого, чтобы не испытывать нужду в необходимом.

– А если вы его не любите?

– Порядочный и нежный, – как смогу я его не любить?

– Я вижу, что вы не знаете любви.

– Это правда. Я не понимаю этой любви, которая кружит голову, и благодарю за это Бога.

– Вы правы. Бог вас хранит.

– Вы считаете, что как только король меня увидит, он потеряет голову; это, говоря по правде, мне представляется химерическим, потому что, весьма возможно, он не сочтет меня дурнушкой, но я не верю ни в какую крайность.

– Вы не верите? Присядем. Представьте себе, что король воздаст вам такую же справедливость, как я. Дело будет сделано.

– Что вы находите во мне такого, чего нет у многих девушек моего возраста? Может быть, однако, что я вас поразила; но это убеждает лишь в том, что я была рождена, чтобы поразить вас, но не короля. Зачем вы собираетесь искать короля Франции, если любите меня сами?

– Я не могу сделать вас счастливой, как вы того заслуживаете.

– То, что вы говорите, вне очевидности.

– Вы меня не любите.

– Я уверена, что полюблю вас единственно, единственно став вашей женой. Тогда я верну вам тот поцелуй, которым вы меня наградили, и который мой долг мешает мне вернуть сейчас.

– Как благодарен я вам, что вы не вполне лишены чувства удовольствия, которое я испытываю вблизи вас!

– Наоборот, я очень рада, что нравлюсь вам.

– Позвольте, я приду повидаться с вами завтра рано утром и выпью кофе с вами, сидя около вас на вашей постели.

– Ах! Прошу вас даже не думать об этом. Я сплю вместе со своей тетей, и я встаю всегда раньше нее. Ах! Я прошу вас. Уберите эту руку. Ну, хорошо! Спасибо. Во имя Бога, кончайте.

Увы! Я кончил только повинованием. Но то, что делало меня счастливым в воображении, это то то, что по отношению ко мне она сохранила ту же нежность и тот же смеющийся вид, который освещал все время ее лицо. У меня был вид человека, испрашивающего и заслуживающего прощения, а у нее – что она сожалеет о невозможности позволить мне то, что я хочу. Я пошел в свою комнату, где нашел Манон, которая спарывала манжеты, и которая во мгновение ока меня утешила и затем ускользнула. Я раздумывал о том, что я никогда не получу от Роман сверх того, что уже имею, и что бесполезно добиваться большего, по меньшей мере если не хочу приступить к действиям, на которые толкает гороскоп.

Спустившись в сад, я попросил м-м Морэн прогуляться немного со мной. То, что я говорил этой почтенной женщине, чтобы убедить ее принять от меня сотню луи на путешествие ее племянницы, непередаваемо. Я твердил ей, что никто ничего не узнает, но все мое красноречие оказалось бесполезно. Она сказала, что если дело только в этом путешествии, судьба ее племянницы может свершиться, потому что она уже думает о способе помочь ей в этом, если ее муж согласится. Она изъявила мне, впрочем, глубокую благодарность и назвала свою племянницу счастливицей за то, что та мне так нравится. Я ответил, что она мне нравится настолько, что я уехал бы уже завтра, потому что предложение, которое я пытаюсь ей сделать, разрушит великое будущее, которое ей предрекает судьба.

– Я полагал, что буду счастлив просить у вас ее руки.

– Ее счастье, быть может, будет более прочным. Объясните.

– Я не решаюсь объявлять войну предназначению.

– Но вы не уедете завтра?

– Да, мадам. Я буду у вас в два часа, чтобы проститься.

Объявление о моем отъезде сделало наш ужин немного грустным. М-м Морэн, которая, быть может, еще жива, была женщина с превосходным характером. Она решила за столом, что, поскольку мой отъезд есть дело решенное, и что я уеду, зайдя предварительно к ней, честь, которую я пожелал ей оказать, превращала все в церемонию, которая была мне неудобна, и мой отъезд явился решением спонтанным. Я сказал, что буду иметь, по крайней мере, честь проводить ее после ужина до ее дверей. И так и случилось. Валенглар ушел пешком, и м-ль Роман села мне на колени. Я стал дерзок; и она стала добра настолько, что я раскаялся в своем решении уехать; но дело было сделано. У ворот гостиницы коляска перевернулась, и кучер был вынужден остановиться на несколько минут. Я не мог понять, как ему удался такой переворот. Желая увидеть на физиономии ангела, могу ли я различить какие-то признаки моего счастья, я проводил их вплоть до их жилища и, без всякого хвастовства с моей стороны, я увидел грусть любви. Я поцеловал м-м Морэн *масонским поцелуем*⁶, и она имела любезность *посвятить* через секунду свою племянницу, которая, наконец, дала мне, очень страстно, поцелуй, которого все время считала своим долгом избегать. Я вернулся к себе, полный любви, но без надежды, и разочарованный, когда увидел в своей комнате всех трех девиц. Мне нужна была лишь одна.

Роза, причесывая меня на ночь, выслушала мое тихое приглашение, но сказала, что, поскольку они спят все трое в одной комнате, ей невозможно будет ускользнуть. Тогда я решил сказать им, что уезжаю завтра, и что я дам каждой из них по шесть луи, если они захотят спать все трое в моей комнате. Изрядно посмеявшись над этим предложением, они очень мирно мне сказали, что это невозможно. Отсюда я догадался, что они не знают друг о друге, но между ними существует явная ревность. Я провел ночь один, сжимая в объятиях обожаемую Роман до самого пробуждения.

⁶ с языком, проникающим в уста – прим. перев.

Я позвонил довольно поздно. Первой вошла кухня, говоря, что Роза следует за ней с моим шоколадом, и объявив в то же время о приходе г-на Шарля *Ивануай*, который хочет со мной поговорить. Я догадался, что это *русский*, но поскольку мне никто его не представлял, я увидел, что могу уклониться от встречи.

– Скажите этому месье, что я не знаю этого имени.

Она выходит и сразу возвращается, говоря, что я его знаю, поскольку ужинал с ним у м-м Морэн. Полагая, что теперь я должен его принять, я приглашаю его войти.

– Я хотел бы иметь честь, – говорит он, – сказать вам словцо тет-а-тет.

– Я не могу, месье, приказать этим девицам выйти из моей комнаты. Соболаговолите подождать снаружи, пока я выйду из постели, и я готов буду выслушать ваши предложения.

– Если я доставляю вам неудобства, я приду завтра.

– Я уезжаю сегодня вечером.

– В таком случае я вас подожду.

Я накидываю небрежно свою домашнюю одежду и иду его слушать.

Он говорит, что должен уехать, и что, не имея денег, чтобы заплатить за гостиницу, он решается прибегнуть к моей помощи, и что он не осмеливается обратиться ни к кому в городе, потому что его рождение не позволяет ему подвергнуться отказу.

– Вы подвергаетесь, однако, в данный момент отказу, и, разумеется, мне невозможно выступить против вас.

– Если бы вы знали, кто я, я уверен, вы бы не отказали мне в маленькой помощи.

– Если вы в этом уверены, назовитесь и будьте уверены в моей скромности.

– Я Шарль, второй сын Ивана, герцога Курляндского, который живет в ссылке в Сибири. Я спасся оттуда.

– В Генуе, – ответил я ему, – вы найдете большее сочувствие в своей беде, так как брат герцогини вашей матери не может вас бросить.

– Он умер в Силезии.

– Когда?

– Уже два года, полагаю.

– Вас обманули. Я видел его в Штутгарте шесть месяцев назад. Это барон Трейден.

Я ясно вижу, что он обманщик, и я чувствую себя оскорбленным тем, что он остановил свой выбор на мне; я решительно не желаю быть его жертвой; не будь этого, я дал бы ему шесть луи, потому что мне не хотелось бы объявлять себя врагом авантюристов, которые все, более или менее, обманщики. Я бросаю взгляд на его перстни, которые полагают уникальными, и ясно вижу, что это крашенные камни, изготовленные в Венеции, отличные подделки под ограненные бриллианты.

– Мне сказали, что ваши перстни – с бриллиантами.

– Это правда.

– Почему вы их не продадите?

– Я обещал моей матери никогда с ними не расставаться.

– Эти перстни, месье, доставляют вам неприятности, потому что вы должны были бы носить их в кармане. Скажу вам, что не считаю их настоящими, и что ложь меня раздражает.

– Месье, я не лгу.

– В добрый час. Убедите меня, что они настоящие, и я подарю вам шесть луи. Вы будете иметь, к тому же, удовольствие убедить меня, что я ошибаюсь. Прощайте, месье.

Он видит Валенглара, поднимающегося по лестнице, и просит меня ничего не говорить ему о нашей беседе. Я пообещал ему не говорить об этом никому.

Валенглар пришел пожелать мне доброго пути, перед тем, как идти к Роман с г-ном де Монтейнаром. Он настоятельно просил меня поддерживать с ним эпистолярные отношения,

и я обещал ему это, поблагодарив, потому что отъезд м-ль Роман интересовал меня в высшей степени. Он обнял меня, роняя слезы.

Глава III

Мой отъезд из Гренобля. Авиньон. Фонтан в Воклюзе. Фальшивая Астроли и горбуны. Гаэтан Коста. Мое прибытие в Марсель.

В то время, как три девушки помогали Ледюку укладывать мои чемоданы, вошел консьерж с меню. Я доволен, он тоже, я заказываю ему обед на четверых, желая иметь удовольствие обедать в этот последний день с его девушками, и почтовых лошадей на вечер. Ледюк говорит ему заказать также верховую лошадь, чтобы ему не пришлось подниматься на запятки позади коляски. Кузина смеется над его фанфаронадой, и дурачок, раздосадованный, говорит ей, что он стоит больше, чем она.

– Но ты будешь прислуживать ей за столом, – говорю я ему.

И он мне отвечает:

– *Как она прислуживает вам в постели.*

При этой реплике я бросаюсь к моей трости, но он, проворный, бросается к окну и выскакивает наружу.

Девушки и отец издают крик ужаса, я бросаюсь к окну и мы видим его во дворе, прыгающего как обезьяна. Обрадованный, что он не ранен, я кричу ему, что я его прощаю, он снова поднимается, и я дарю ему часы. Таков был этот испанец, которого я был вынужден выгнать двумя годами позже, о чем часто сожалею.

Я сидел с этими тремя девицами, которых я изо всех сил, но напрасно пытался напоить, и часы текли столь незаметно, что я решил отложить свой отъезд на завтра. По правде говоря, мне хотелось иметь их всех вместе, и я видел, что в течение ночи мне это может удастся. Я сказал, что если они захотят провести всю ночь у меня в комнате, я уеду лишь утром. Пока они чинили мне всякие препятствия, поднялся консьерж сказать, что мне лучше отправиться в Авиньон по воде на удобном корабле, где я смогу также поместить свою коляску, и мне это будет стоить намного дешевле. Я сказал ему, что буду рад, если девицы все три захотят спать у меня в комнате, и он ответил, смеясь, что это их дело. Тут они также изъявили согласие, и консьерж распорядился нанять судно и приготовить легкий ужин на полночь.

Только после этого ужина, согласно истине, что в бутылке, я заявил, что их сдержанность нелепа, после того, как они все трое оказали мне свою милость. При этой новости они с удивлением и возмущением переглянулись, что должно было им показать мое якобы бесстыдство, но я не оставил им времени собраться со духом, для того, чтобы утверждать, что мое заявление клеветническое. Манон первая призналась и поддалась моим призывам, и две другие, в свою очередь, также приняли это мудрое решение. После четырех-пяти часов, проведенных с большой живостью, природа потребовала предаться сну. Утром я хотел сделать им подарки, но они сказали, что предпочитают, чтобы я заказал им перчатки, оплатив их авансом. Я заказал на тридцать луй перчаток, которые, впрочем, так никогда и не озаботился получить. Я выехал в семь часов, провожаемый всем смеющимся и плачущим домом. Я заснул на судне, и меня разбудили только в Авиньоне, где отвели в гостиницу «Сен-Гомер» и где я заказал ужин у себя в комнате, невзирая на красоты, которые мне расписал Ледюк, насчет ужинающих у табльдота.

Лишь на следующий день мне пришла охота туда явиться. Мой испанец сказал, что очаровательная красотка живет со своим мужем в комнате, соседней с нашей. Он принес мне также афишу, которая анонсировала итальянскую комедию, представляемую артистами из парижской труппы, в которой будет петь и танцевать м-ль Астроли; я радостно вскрикнул. Как это очаровательная Астроли, известная негодяйка, могла оказаться в Авиньоне? Увидев меня, она будет немало удивлена.

У табльдота я нашел восемнадцать-двадцать человек, все по виду комильфо, и стол, настолько хорошо сервированный, что мне показалось невозможным, чтобы он стоил всего

сорок су; но красивая иностранка, приковывающая к себе внимание всего стола, также заинтересовала меня в высшей степени. Иностранка, очень молодая, совершенная красotka, не говорящая ни слова, смотрящая только в свою тарелку, – могла ли она оставить кого-либо из сотрапезников равнодушным? Когда к ней обращались, она отвечала односложно, лишь скользнув взглядом своих больших голубых глаз по лицу говорящего. У нее был муж, сидящий на другом конце стола, который болтал и пересмеивался направо и налево, довольно молодой, с лицом отталкивающим, плотоядным и рябым, с манерами челядинца. Уверенный, что подобный человек не приучен отказываться, я направил ему бокал шампанского, и он осушил его за мое здоровье. Я спросил его, могу ли я предложить то же самое и мадам и, разразившись смехом, он предложил мне самому обратиться к ней. Она ответила мне, слегка наклонив голову, что совсем не пьет. При появлении десерта она вернулась в свою комнату, и муж последовал за ней.

Иностранец, который, как и я, был там в первый раз, спросил, кто она; человек, одетый в черное, сказал, что ее муж назвался шевалье Стюард, что он приехал из Лиона, что он следует в Марсель и что он находится в Авиньоне уже восемь дней, без слуги и со скудным багажом.

Поскольку я собирался остановиться в Авиньоне лишь для того, чтобы осмотреть Воклюз и знаменитый фонтан, который называют каскадом, я не получал здесь писем. Итальянец, который читал и ценил Петрарку, должен быть заинтересован увидеть место, где этот великий человек влюбился в Лауру Сааде.

Я отправился в комедию, где увидел вице-легата Сальвиати, приличных женщин, не красавиц и не дурнушек, и ничтожную оперу-комик, где не увидел ни Астроди, ни каких-либо актеров парижской Итальянской комедии.

– Где же Астроди? – спросил я в конце спектакля у присутствующего там человека. – Я ее не видел.

– Извините. Она пела и танцевала.

– Черт возьми, я ее знаю, и если она стала неузнаваема, то это уже не она.

Я уйду, и две минуты спустя меня догоняет тот же человек, который просит меня вернуться обратно и пройти в ложу м-ль Астроди, которая меня узнала. Я иду туда и вижу некрасивую девицу, которая бросается меня обнимать, называет меня, и которую, насколько я могу судить, я никогда не видел; но она не дает мне говорить. Я узнаю в человеке, находящемся там, отца прекрасной Астроди, которую знает весь Париж. Она явилась причиной смерти графа д'Эгмонта, одного из самых любезных сеньоров двора Людовика XV. Я соображаю, что дурнушка может быть ее сестра, я сажусь на стул и делаю комплимент ее талантам. Она просит позволения снять с себя театральный костюм и делает это, болтая, смеясь и переобуваясь со свободой, которую, быть может, она бы и не проявляла, если бы то, что она демонстрирует, не было достойно быть увиденным. Я настолько был еще полон Греноблем, что она едва ли тронула бы меня, даже, если бы была хорошенькой; она была худая, темная и почти отталкивающая. Я посмеялся тому доверию, которое она мне оказывает при своих нищенских возможностях; она должна была предполагать во мне аппетит дьявольский, но очень часто девицы этого сорта находят в распутстве те ресурсы, на которые не могли бы рассчитывать в тонком вкусе. Она меня просит, она приглашает меня идти с ней ужинать, но я, в конце концов, твердо отказываюсь. Она добивается, наконец, чтобы я взял у нее четыре билета на завтрашний спектакль, который будет ее бенефисом, и я перевожу дух. Дело идет, в конце концов, о четырех малых экю. Я делаю над собой усилие и беру шесть, и я вижу, что она готова умереть от благодарности, когда я даю ей два луи. Я возвращаюсь в гостиницу, где очень хорошо ужинаю у себя в комнате.

Ледюк, укладывая меня в кровать, рассказывает, что хозяин гостиницы перед ужином нанес визит прекрасной иностранке, в присутствии ее мужа, и сказал ему в весьма ясных выражениях, что настоятельно желает получить свои деньги завтра утром, и что в противном слу-

чае они не получают места за его столом; кроме того, он сказал, что их пожитки не покинут его гостиницы.

– Кто тебе это рассказал?

– Я это слышал сам, находясь здесь. Эти две комнаты отделены друг от друга лишь тонкой перегородкой. Я уверен, что если бы они находились в этот момент у себя, они слышали бы все, что мы говорим.

– А где они?

– За столом, где они наедаются на завтра, но дама плачет. Вам везет. Вам везет.

– Молчи, Я не хочу в это вмешиваться. Это ловушка. Приличная женщина скорее умрет от голода, чем станет так плакать на публике.

– Ах! Если бы вы знали, насколько она становится красивее, когда плачет! Я бедный парень, но дьявол меня подери, если я не дам ей двух луи, если она захочет их соответственно заработать.

– Пойди предложи их ей.

Минуту спустя, меье и мадам входят и закрываются в своей комнате, и я слышу рыдания дамы и голос мужчины, который говорит ей раздраженным тоном на жаргоне, которого я не понимаю. Это валлонский диалект, на котором говорят в окрестностях Льежа. Я отправляю Ледюка спать, велю сказать хозяину, что я решительно требую завтра другую комнату, так как в этой легко вскрыть замок, и эта несчастная пара еще более легко может превратиться в воров. Рыдания и отповеди мужа прекращаются лишь в полночь.

На следующий день я бреюсь, когда Ледюк говорит мне, что шевалье Стюард хочет со мной говорить.

– Скажи ему, что я не знаю никакого Стюарда.

В следующий момент он возвращается, чтобы сказать, что, получив такой афронт, тот возвел глаза к потолку и затопал ногами. Он вернулся в свою комнату, выйдя оттуда минуту спустя со шпагой на боку, и спустился вниз.

– Я пойду посмотреть, – добавил он, – насыпан ли порох на полках ваших пистолетов.

Слуга заставил меня рассмеяться; но в отчаянии люди часто делают и не такое. Я снова приказал ему потребовать от хозяина другой комнаты, и тот пришел мне сказать, что может мне ее дать только завтра.

– Тогда я сейчас же съезжаю от вас, чтобы поселиться в другом месте, потому что не могу выдержать эти рыдания. Вы слышите? Это что, забавно? Эта женщина себя убьет, и вы будете тому причиной.

– Я? Я только попросил мои деньги у ее мужа.

– Погодите, послушайте это, я уверен, что на своем тарабарском наречии он говорит, что вы монстр.

– Пусть он говорит, что хочет, лишь бы платил.

– Вы обрекаете их на смерть от голода. Сколько он вам должен?

– Пятьдесят франков, потому что я одолжил ему шесть.

– И вам не стыдно поднимать такой шум из-за этого пустяка? Вот. Пойдите сказать им, что все оплачено, и что они могут пойти вниз есть, но не говорите, что это я вам заплатил.

Он быстро уходит с деньгами, и я слышу, как он говорит, что за них заплачено, но что они не узнают, кто, и что они могут спускаться обедать и ужинать; разумеется, в будущем они будут платить день за днем. Сказав это, он снова возвращается в мою комнату, но я вышвыриваю его вон, называя негодным скотом, потому что он дал им понять правду.

Ледюк оборачивается с глупым видом.

– Чего тебе, тупица?

– Но это же прекрасно. Я обучаюсь. Я хотел бы быть автором. Вы проделали все отлично.

– Ты дурак. Я иду прогуляться пешком; но будь на чеку и не выходи из этой комнаты.

– Хорошо.

Но едва выйдя, я сталкиваюсь с шевалье, который рассыпается в благодарностях. Я отвечаю, что не знаю, за что он меня благодарит, и он отстает от меня. Гуляя по берегам Роны, я развлекаюсь, любуюсь старым мостом и рекой, которую географы именуют самой быстрой рекой Европы, и в час обеда возвращаюсь в гостиницу, где хозяин сообщает, что я должен платить шесть франков, не считая вина, за которое делает мне щедрую скидку. Я только там пил такое белое вино из Эрмитажа, четырехлетней выдержки, превосходного качества. Я прошу его найти мне хорошего чичероне на завтра, желая осмотреть Воклюз и фонтан. Я одеваюсь, чтобы пойти на бенефис малышки Астроли. Я встречаю ее в дверях театра, даю ей шесть билетов и иду садиться рядом с ложей вице-легата князя Сальвиати, который прибывает с многочисленной свитой разодетых мужчин и дам. Отец Астроли идет позади меня, говоря мне на ухо, что его дочь просит меня говорить, что она та самая известная дива, что я знал в Париже. Я отвечаю ему, также на ухо, что я не страдаю отсутствием памяти. Легкость, с которой мошенник вовлекает человека чести участвовать в жульничестве, невероятна, но он полагает, что оказывает мне честь.

В конце первого акта двадцать слуг в ливреях Монсеньора раздают мороженое первым рядам лож. Я считаю нужным отказаться. Молодой человек, красивый как Амур, с достоинством подходит ко мне и спрашивает, почему я отказался от мороженого.

– Потому что, не имея чести ни с кем здесь быть знакомым, я не хочу, чтобы кто-нибудь мог сказать, что оказал любезность мне, незнакомцу.

– Вы поселились, месье, в «Сен-Гомере»?

– Да, месье. Я остановился здесь лишь для того, чтобы осмотреть Воклюз, и я испытаю это удовольствие завтра, если найду чичероне.

– Я сам приду вам послужить, если вы согласитесь оказать мне эту честь. Я Дольчи, сын капитана гвардии вице-легата.

– Весьма чувствителен к чести, которую вы мне оказываете, я отложу свой уход до вашего прибытия.

– Вы увидите меня в семь часов.

Я остаюсь, пораженный благородной непринужденностью этого Адониса, которого можно принять за девушку. Я смеюсь над так называемой Астроли, которая столь же плоха как актриса, сколь и дурна собой, и которая во все время пьесы не отрывала своих вытаращенных глаз от моего хмурого лица. Когда она пела, она смотрела на меня с улыбкой, делая мне выразительные жесты, долженствующие показать ее благородство, которое, в свою очередь, должно было выразить сожаление о моем дурном вкусе. Актриса, которая, наоборот, не вызвала у меня отвращения ни своим голосом, ни своими глазами, была высокая и молодая горбунья, но горбунья, подобной которой я никогда не видел; потому что, хотя ее горбы, спереди и сзади, были огромные, рост ее был достаточно большой, так что, если бы не рахит, который сделал ее горбатой, ее рост, очевидно, был бы футов шести. Кроме того, я предполагал, что она должна быть умна, как все горбатые.

Эта девица в конце пьесы оказалась у дверей театра вместе с моей фавориткой Астроли. Она была там, чтобы благодарить, а также чтобы распределять билеты на свой собственный бенефис, который должен был состояться через три дня.

Получив комплимент от Астроли, я выслушал горбунью, которая сказала мне, растянув в улыбке рот от уха до уха и показывая по меньшей мере двадцать четыре великолепных зуба, что она надеется, что я окажу честь также и ее бенефису.

– Если только, – ответил я ей, – я не уеду послезавтра.

Астроли принялась смеяться и сказала мне, в присутствии дам, которые стояли там в ожидании своих экипажей, что я останусь, что она меня не отпустит.

– Дай ему шесть билетов, сказала она подруге.

Та их дала, и, постеснявшись отказаться, я дал ей два луи.

– Послезавтра, – сказала мне Астроуди, – мы придем к вам ужинать, при условии, что вы будете один, потому что мы хотим напиться.

Вернувшись к себе, я нашел эту ситуацию в моем воображении столь комичной, что решил остаться.

Я был за столом один в моей комнате, когда шевалье и его жена зашли в свою, и я не услышал ни рыданий, ни перебранки, но был чрезвычайно удивлен, увидев перед собой при первом свете дня г-на Стюарта, который мне сказал, что, узнав, что я собираюсь посетить Воклюз один, в коляске для четверых, он решил просить меня позволить ему разделить со мной компанию, вместе с женой, которая очень любопытно хочет увидеть каскад. Я сказал, что он окажет мне честь, и он ушел, чтобы подготовиться. Ледюк, который зашел меня причесать, попросил у меня разрешения ехать на лошади, сказав, что он это предсказывал. Было очевидно, что м-м Стюарт станет моей, и приключение не было мне ин, ляске для четверых Воклюхидев передо мной при первом свете дня г-на Стюарта, который мне сказал, что, узнав, что я хочу рнеприятно, потому что она была вполне в моем вкусе. Пришел хозяин с чичероне, которого я отпустил, дав шесть франков. Явился Дольчи, прекрасный как ангел; дама была готова, вместе со своим месье, коляска стояла в ожидании, загруженная всем, что могло нам понадобиться, чтобы хорошо поесть и еще лучше выпить, и мы выехали, Мадам и Дольчи сзади и Стюарт и я – спереди.

Я был уверен, что в этой поездке молодая женщина развеется и ее грусть исчезнет, но – ничего подобного. На все мои обращения к ней я получал лишь очень короткие ответы, которые, не будучи крестьянкой, она бы не должна была счесть возможными. Бедный Дольчи, наделенный умом, был в отчаянии. Рассудив, он склонился к мысли, что он причина грусти в этой поездке, но я скоро вывел его из заблуждения, сказав, что когда он предложил мне свою компанию, я не знал, что буду иметь честь оказать услугу этой прекрасной даме, и что когда я узнал об этом в шесть часов утра, я обрадовался, решив, что счастливый случай дает ему столь очаровательную соседку. На этот рассказ дама никак не отреагировала. Молча, она лишь поглядывала по сторонам.

Дольчи, успокоившись, вполне удовлетворенный моим объяснением, стал обращаться к ней с разными предложениями, пытаясь разговаривать, но все было напрасно. Он вел долгие беседы с ее мужем, о сотне разных предметов, рикошетом пытаясь вовлечь в разговор даму, но ее прекрасный ротик не раскрывался.

Красота ее лица была совершенна: голубые глаза прекрасного разреза, чистая белая кожа, живой алый румянец, прекрасные руки, пухлые и тонкие кисти, фигура говорила о том, что ее грудь превосходна, и ее волосы светло-каштанового цвета, без пудры, внушали самое благоприятное представление обо всех ее красотах, которые не были видны. Несмотря на все это, я думал, вздыхая, что со своей грустью эта женщина вполне может внушить любовь, но это чувство не может быть долговечным. Доехав до Лилля, я решил не иметь с ней больше дела, потому что, может быть, она безумная, или в отчаянии от того, что должна жить с человеком, которого терпеть не может, и в этом случае она внушает мне жалость; но я не мог ей более простить того, что, будучи порядочной и обладая некоторым воспитанием, она не должна была бы сегодня участвовать в моей прогулке, понимая, что со своей грустью она внушает лишь антипатию.

Что же касается так называемого Стюарта, что был с ней, то ли мужа, то ли любовника, у меня не было особых оснований слишком философствовать над тем, кто он такой. Он был молод, лицом ни хорош, ни дурен, личность его ни о чем не говорила, и его разговоры обличали в нем невежду и животное. Нищий, без единого су и без талантов, как смог он увлечь по Европе эту красотку, он, который, без всякого снисхождения, не смог бы найти, на что существовать,

разве что на бирже дураков? Он знал, возможно, что мир ими полон, но опыт должен был научить его, что на них нельзя рассчитывать. Этот ничтожный человек заслуживал презрения.

Прибыв в Воклюз, я целиком обратился к Дольчи, который бывал здесь сотню раз и который любил Петрарку. Мы оставили нашу коляску в Апте и пошли к этому знаменитому фонтану, который был в этот день в самом большом разливе. Природа явилась архитектором обширной пещеры, откуда он изливается. Пещера находится у подножия скалы, прямой, как стена, более ста футов высотой и такой же ширины. Она представляет собой портал в форме арки, в половину этой высоты, откуда поток воды вытекает в таком изобилии, что с самого зарождения заслуживает названия реки. Это Сорг, который затем теряется в Роне близ Авиньона. Нет в мире воды, более чистой, чем в этом фонтане, потому что за столько веков скалы, по которым она течет, нисколько не окрасились. Те, кому эта вода внушает ужас, потому что кажется черной, не понимают, что сама пещера, мрак которой непроницаем для глаз, должна придавать воде такую видимость.

Chiare, fresche, e dolci acque
Ove le belle membra
Pose colei che sola a me par donna.⁷

Я захотел подняться на вершину скалы, где стоял дом Петрарки, развалины которого я увидел, проливая слезы, как их пролил Лео Алатиус при виде могилы Гомера; и так же плакал я шесть лет спустя в Арке, где Петрарка умер, и где дом, в котором он жил, существует до сих пор. Схожесть этих мест поражает, потому что из комнаты, в которой Петрарка писал в Арке, видна вершина скалы, напоминающая ту, что я видел там, где, как сказал мне Дольчи, жила Мадонна Лаура.

– Пойдем туда, – сказал я ему, – это недалеко.

Какое удовольствие было увидеть еще существующие следы дома этой женщины, которую влюбленный Петрарка обессмертил этим одним стихом, способным смягчить сердце из мрамора:

Morte bella pareo nel suo bel viso.

⁸.

Я бросился на эти развалины с распростертыми руками, целуя их и орошая слезами, прося прощения у м-м Стюарт за то, что бросил ее руку, чтобы воздать поклонение маннам женщины, у которой в любовниках был самый глубокий ум, что может произвести природа. Я сказал ум, потому что тело, несмотря на то, что говорили, не было в этом замешано.

Прошло четыреста пятьдесят лет, мадам, – сказал я этой женщине, которая удивленными глазами смотрела на меня, – как в этом месте, где вы находитесь сейчас, прогуливалась Лаура де Сааде, которая, быть может, не была так красива, как вы, но была весела, учтива, нежна, смешлива и умна. Может ли этот самый воздух, которым вы дышите в данный момент, и которым дышала она, сделать вас такой же, как она, и вы воспримете пламя любви тех, кто вас окружает, вы увидите вселенную у своих ног, и не будет более в мире смертного, который осмелился бы причинить вам малейшее горе. Веселость, мадам, – это удел счастливых, и уныние – это ужасный образ умов, обреченных на адские муки. Будьте же веселы и старайтесь таким образом быть прекрасной.

Мой энтузиазм заставил Дольчи меня расцеловать. Стюарт смеялся, и мадам, которая приняла меня, быть может, за сумасшедшего, не подавала ни малейшего признака жизни.

⁷ Светлые, сладкие и свежие воды, в которые Погружала свои прекрасные члены та, что, Единственная, мне кажется женщиной. – Петрарка: Рим, Канцона.

⁸ Смерть стала прекрасной на таком прекрасном лице – Петрарка: Рим; Триумфы

Она снова приняла мою руку, и мы вернулись вполне спокойно к дому *Мессера Франческо из Ареццо*, где я употребил четверть часа, выскребывая свое имя. *E sciolsi il voto*.⁹ Оттуда мы отправились обедать.

Дольчи, еще больше, чем я, заинтересовался этой необычной женщиной. Стюарт только ел и пил, пренебрегая водой из Сорга, которая, согласно ему, могла только испортить вино Эрмитажа, и, возможно, и сам Петрарка не думал иначе; мы осушили восемь бутылок без того, чтобы пострадал наш рассудок, но мадам придерживалась умеренности. По возвращении в Авиньон мы отвесили ей поклон у дверей ее комнаты, уклонившись от предложения дурака Стюарта, который хотел пригласить нас зайти. Я пошел провести последний час дня с Дольчи на берег Роны. Этот молодой человек, говоря об этой странной женщине, высказал мнение и попал в точку.

– Это, – сказал он, – куртизанка, очень возомнившая о себе, которая уехала из своей страны, потому что, возжелав слишком многого, она не нашла там подходящего случая. Уверенная в том, что ей подвернется удача везде, где она вновь появится, она отправилась с этим прохвостом, сохраняя по возможности этот грустный вид, который считает единственно пригодным, чтобы влюбить в себя кого-то, кто решится ее завоевать. Она такого еще не нашла. Это должен быть человек богатый, которого она хочет разорить. Она, возможно, обратила свой взор на вас.

Люди, которые, в возрасте Дольчи, так рассуждают, могут стать великими учителями. Я покинул его, поблагодарив, и очень был рад этому знакомству.

Направившись в свою комнату, я увидел на ее пороге подошедшего человека приличного вида, уже в возрасте, который, назвав меня и поприветствовав, спросил вежливо, нашел ли я Воклюз достойным моего любопытства. Я с большим удовольствием признал в нем маркиза Гримальди, генуэзца, человека умного, любезного и богатого, который жил почти все время в Венеции, потому что пользовался там более полной свободой, чем у себя на родине. Мой ответ должен был последовать вместе с рассуждением, я вошел и поблагодарил его за честь его принять. Едва окончив разговор относительно фонтана, он спросил, был ли я доволен прекрасной компанией. Я ответил, что не могло и быть иначе. Оценив мою сдержанность, он решил ее разрушить, говоря следующее:

– У нас в Генуе есть очень красивые женщины, но нет ни одной, что могла бы выдержать сравнение с той, что вы возили сегодня в Лиль. Вчера вечером, за столом, она меня поразила. Подавая ей руку, чтобы помочь подняться по лестнице, я сказал, что если она считает меня способным развеять ее грусть, она должна только заговорить. Заметьте, что я знал, что у нее нет денег. Собственно, ее муж поблагодарил меня за мое предложение, и я пожелал им доброй ночи.

Час назад вы, проводив ее в ее комнату, оставили ее там, и я понял, что свободно могу нанести ей визит. Она встретила меня, сделав прекрасный реверанс, ее муж попросил меня составить ей компанию до его возвращения, и она без колебаний согласилась присесть со мной на канapé. Я хотел взять ее за руку, но она ее отдернула. Я наговорил ей слов о том, что ее красота меня поразила, и что если ей нужна сотня луи, у меня они имеются к ее услугам, при условии, что она сменит свой серьезный вид и будет со мной веселее, чтобы поддержать чувства дружбы, которые она мне внушает. Она отвечала мне только движением головы, которое означало признательность, но в то же время абсолютный отказ от моего предложения. Я говорю ей, что уезжаю завтра, и она не отвечает. Я снова беру ее руку, и она высокомерно ее отбирает. Тогда я встаю, прошу прощения и оставляю ее. Вот что пришло мне в голову за эти полчаса. Я не влюблен, так как вы видите, что я смеюсь; но при той нужде, в которой она находится, ее поведение меня удивляет. Может быть, вы создали для нее сегодня ситуацию, когда она

⁹ И я исполнил свое желание

может отвергнуть мое предложение, и в этом случае я что-то понимаю; в противном случае это феномен, который я не могу объяснить. Могу ли я просить вас сказать мне откровенно, были ли вы более счастливы, чем я?

Очарованный благородной откровенностью этого респектабельного господина, я оплатил ему тем же. Я все ему высказал; и мы закончили, оба расхохотавшись. Я пообещал ему дать отчет в Генуе о том, что произойдет в те два дня, что я предполагаю пробыть здесь после его отъезда. Он принял предложение. Он предложил спуститься вместе на ужин, чтобы полюбоваться поведением юной брюзги; я заметил, что отменно пообедав, она не спустится к ужину, но он рассмеялся и сказал, что спорит, что она спустится; и он был прав. Я решил, когда увидел ее за столом, что роль, которую она разыгрывает, притворна. Около нее поместили графа де Бюсси, который только что прибыл, молодого, легкомысленного, красивого, изрядного фата, вид которого не позволял обмануться на его счет. И вот прекрасная сцена, при которой мы присутствовали.

Этот граф, забавник по характеру, шутник, любимый прекрасным полом, и в то же время дерзкий и наглый, собираясь уехать в полночь, принялся, не теряя ни мгновенья, обхаживать и дразнить сотней способов свою прекрасную соседку. Найдя ее безмолвной и не понимая причины, он говорил сам, смеялся и, решив, возможно, что она издевается над ним, счел такое недопустимым. Я наблюдал за г-ном де Гримальди, который, как и я, имел причины сдерживать смех. Молодец, сбитый с толку, задетый, продолжал; он передал соседке хороший кусок, который, попробовав сначала первым, положил ей в рот; вспыхнув от гнева, она этого не захотела, и он поменял ей тарелку, разлившись, что она не удостоила его ни единым взглядом. Видя, что никто из присутствующих не собирается участвовать в защите форта, он не потерял самообладания, засмеялся и решил ее атаковать. Он силой взял ее за руку и поцеловал ее; она захотела ее вырвать и встала, и он со смехом притянул ее за талию. Но в этот момент поднялся муж, подошел взять ее за руку и вышел с ней из залы. Агрессор, слегка опешив, следовал за ней глазами, затем снова уселся за стол, смеясь сам над собой, потому что вся компания хранила молчание. Он поворачивается, спрашивая у своего курьера, при нем ли его шпага; тот отвечает, что нет. Он спрашивает у аббата, своего соседа, кто был этот человек, что вышел вместе с дамой, и тот отвечает, что это был ее муж; на это он смеется и говорит, что мужья никогда не дерутся.

– Но, – добавляет он, – я пойду, принесу ему свои извинения.

Он встает, поднимается по лестнице, и весь стол начинает комментировать сцену. Минуту спустя он спускается, разозленный на мужа, который, захлопнув перед его носом дверь, сказал, что он может идти в бордель. Высказав сожаление, что он должен уехать, не окончив это дело, он велит принести шампанского, предлагает его всем присутствующим, все отказываются, он пьет один, отдает остаток своему курьеру и уходит.

Г-н Гримальди, провожая меня до моей комнаты, спросил, какое впечатление произвела на меня эта сцена. Я ответил, что воспринял бы все спокойно, если бы даже он того поколотил.

– И я тоже, – сказал он, – но только не в случае, если бы она согласилась принять мой кошелек. Мне любопытно, каким образом она отсюда выберется.

Я снова сказал, что сообщу ему новости в Генуе. Он не хотел, чтобы я его провожал, и отбыл на рассвете.

На другой день утром я получил записку от Астроиди, которая спрашивала, жду ли я на ужин ее с подругой, и я ответил, что да. Мгновение спустя я увидел перед собой русского, князя Курляндского, которого оставил в Гренобле. Я был один. Он сказал мне весьма приниженным тоном, что он сын звонаря из Нарвы, что его драгоценности ничего не стоят, и он хочет просить меня о милостыне. Я дал ему четыре луи.

– Осмелюсь ли я попросить вас, – говорит он мне, – сохранить мой секрет?

– Я скажу, что не знаю, кто вы, любому, кто о вас спросит.

– В таком случае я сразу поеду в Марсель.

Я расскажу в свое время, в каком положении нашел я его в Генуе. Я вызвал наверх хозяина и сказал ему с глазу на глаз, что хочу вкусный ужин на три персоны, с хорошими винами, в моей комнате. Ответив, что я буду обслужен, он сказал, что идет устраивать скандал в комнате шевалье Стюарта, потому что тот не оплатил этот день, как они договаривались, и что соответственно он собирается немедленно выставить их за дверь, несмотря на то, что мадам лежит в кровати, задыхаясь от конвульсий.

– Но это, – сказал он мне, – не заменяет мне платы, и сцена, подобная вчерашней, приносит убыток моему дому.

– Идите и скажите ей, что в дальнейшем они с мужем будут есть в своей комнате утром и вечером, и что я за это буду платить, пока я остаюсь здесь.

– Вы знаете, что за еду в комнате платят вдвое.

– Я это знаю.

– В добрый час. *Я отправляюсь туда.*

Идея выставить эту женщину таким образом за дверь внушила мне ужас, но трактирщики отнюдь не галантны. Секунду спустя явился Стюарт благодарить меня и просить, чтобы я зашел в его комнату убедить его жену сменить свое поведение.

– Она мне не ответит, и вы знаете, что это неприятно.

– Приходите, она знает, что вы собираетесь делать, и она будет говорить, потому что, наконец, чувство ...

– Что вы мне говорите о чувствах, после того, что я видел вчера вечером?

– Этот месье отбыл в полночь и хорошо сделал, иначе я бы убил его этим утром.

– Вы меня смешите. Это вчера вечером вы должны были швырнуть ему тарелку в лицо.

Я иду с ним. Я вижу ее в постели, повернувшуюся спиной, укрытую до шеи, и слышу ее рыдания. Я взываю к ее разуму, но она, как и всегда, мне не отвечает. Ее муж хочет выйти, но я говорю ему, что выйду тоже, потому что никто не может ничего для нее сделать, и что он должен сам в этом убедиться после той сотни луи, что она отвергла от маркиза Гримальди, который, единственно, хотел поцеловать ей руку и увидеть ее смеющейся.

– Сотня луи! Проклятье, что за дела! Мы немедленно отправляемся в Льеж, где наш дом. Принцесса позволяет поцеловать руку за просто так; даже аббатиса. Сто луи! Проклятье, ну что за дела!

Он вызывает у меня смех, он ругается, он сыплет проклятиями, и я ухожу, потому что, притворные или настоящие, конвульсии у несчастной возобновляются. Они завершаются движением руки, которую она протягивает, бросая на середину комнаты бутылку с водой, что стоит на ночном столике. Стюарт подбегает, хватая ее за руку, она трепещет, она вытягивает вторую, силится, стараясь освободиться, выворачивается постепенно, с закрытыми глазами, и конвульсии сотрясают ее до бедер и ступней, скидывая одеяло до такой степени, что я вижу вещи, которым, всю мою жизнь, я не мог сопротивляться. Подлец идет искать воду и оставляет меня там недвижимым зрителем этой женщины, которая остается неподвижной, как мертвая, в позе, соблазнительней которой нельзя себе представить. Я чувствую себя захваченным, и я не хочу этого. Я уверен, что это только игра, устроенная гордой душой, чтобы заставить меня сделать то, что я хочу, и чтобы иметь удовольствие отречься от всего впоследствии. Рискуя лопнуть, я решаюсь расстроить их планы. Я беру одеяло и набрасываю на нее. Это был сильный ход. Я был приговорен терпеть муки от ослепительных красот, которые чудовище желало использовать лишь для того, чтобы меня унижить.

Возвращается Стюарт, держа в руке бутылку воды, он смачивает ей виски, он говорит с ней по-льежски и сует руки под одеяло, чтобы выпрямить ее; она делает вид, что ничего не чувствует. Четверть часа спустя я встряхиваюсь, напряжение рассеивается, я оставляю их и иду прогуляться по берегу Роны.

Я иду большими шагами, разозленный на себя самого, потому что мошенница меня положительно околдовала. Я нахожу, что наслаждение, грубое или нет, всем тем, что я видел, необходимо для восстановления моего сбитого с толку рассудка. Я вижу, что должен купить ее, не только своими заботами, но используя деньги, и еще, поддаваясь на все ее уловки. Я был сердит на себя, что воздержался от того, чтобы надругаться над ней, даже если бы муж застал меня за делом. Я был бы удовлетворен и в полном праве ею пренебречь в дальнейшем, и дать ей это почувствовать. В моем замешательстве я видел, что есть еще время, и я решил сказать мужу, что дам ему двадцать пять луи после того, как он устроит мне новую беседу с ней, для того, чтобы закончить дело.

Я вернулся к себе с этой идеей и, не заходя узнать, как она себя чувствует, пошел обедать в одиночку. Ледюк сказал мне, что она также обедает в своей комнате, и что хозяин сказал, что она не будет больше спускаться к столу. Я это знал.

Пообедав, я отдал визит г-ну Дольчи, который представил меня своему отцу, очень любезному, но недостаточно богатому, чтобы отвечать желанию сына путешествовать. Этот мальчик был проворен, как обезьяна; он продемонстрировал мне свою большую ловкость в фокусах. Он был нежен, и, видя, что мне интересно узнать его успехи в любовных делах, рассказал мне несколько небольших историй, которые показали мне, что он находится в том счастливом возрасте, когда только отсутствие опыта приносит неудачу. Он не хотел женщины богатой, потому что она требовала бы от него того, что представлялось ему низким, – давать ласку без любви, и он тщетно вздыхал по одной юной, потому что она требовала уважения. Я сказал, что он, будучи смелым, должен заставить служить себе богатую и щедрую, и с большой учтивостью пренебречь уважением по отношению к молодой, которая, поругавшись сначала, всегда будет готова его простить. Он не был распутник, и склонялся к некоторому нонконформизму; он невинно забавлялся с друзьями своего возраста в саду близ Авиньона, где сестра садовника его развлекала, когда его друзей там не было.

В сумерках я вернулся к себе, и Астроиди с Лепи – таково было имя горбуни – не заставили себя ждать. Когда я увидел перед собой эти две фигуры, я почувствовал что-то вроде растерянности. Мне казалось невозможным присутствовать при том, что, однако, как я знал, должно произойти. Астроиди, некрасивая и опытная, была уверена, что дополнит все свои недостатки чрезвычайным распутством. Лепи, совершенная горбуня, но исполненная таланта и ума, свойственного ее состоянию, была уверена, что возбудит желания, со своими прекрасными глазами и своими зубами, которые, казалось, выскакивали из ее рта, чтобы показать свою красоту. Астроиди, прежде всего, вlepила мне поцелуй по-флорентийски, который мне пришлось так или иначе переварить, а Лепи подставила мне только щеки, которые я сделал вид, что поцеловал. Когда я увидел, что Астроиди готова начать делать глупости, я попросил ее продвигаться помедленнее, так как, будучи новичком в подобного рода затеях, мне следовало подготовиться к этим вещам. Она обещала быть разумной.

Перед ужином, не зная, что говорить, я спросил у нее, завела ли она любовника в Авиньоне, и она ответила, что у нее есть только аудитор вице-легата, который, хотя и антипатичный, но любезный и образованный.

– Я не приспособлена к его вкусам, – сказала она очень свободно, – к тому, что в прошлом году в Париже я считала невозможным, потому что воображала, что это должно быть вредно, но я ошибалась.

– Как! Аудитор имеет тебя как мальчика?

– Да. Моя сестра его обожала, так как это ее страсть.

– Но у твоей сестры широкие бедра.

– А у меня? Вот, смотри, трогай.

– Ты очень хороша; но погоди, еще слишком рано. Мы будем творить глупости после ужина.

– Знаешь ли ты, – говорит ей Лепи, – что ты сумасшедшая?

– Почему сумасшедшая?

– Фи! Можно ли подбирать так подол?

– Дорогая, ты сделаешь так же. Когда находишься в доброй компании, пребываешь как бы в Золотом Веке.

– Я удивлен, – сказал я Астроди, – что ты всем раскрываешь тот образ действий, который ты применяешь с аудитором.

– Это не я раскрываю всем, а все мне про это говорят и делают мне комплименты, потому что никто не любит девушек. Мне было бы странным отрицать очевидное. Я удивляюсь моей сестре, но в этом мире ничему нельзя удивляться. Эй, значит ли это, что ты сам не любишь этого?

– Нет, я больше люблю *это*.

Говоря «я больше люблю *это*», я протягиваю руку к Лепи, которая стоит передо мной, в то место ее одежды, которое должно соответствовать ее «*этому*», и моя рука не находит там ничего, а Астроди раздражается громким смехом. Она встает, берет мою руку и тянет ее, чтобы поместить туда, где находится «*это*» ее товарки, она кладет ее не далее чем на шесть дюймов ниже ее горба. Именно там, к моему великому изумлению, мои пальцы ощущают *верхушку опоры*. Лепи, которой хватает стыда соорудить из себя недотрогу, отодвинувшись, начинает смеяться, но я чувствую себя немного озадаченным, так как, вместо того, чтобы иметь это место в центре своей персоны, она имеет его в верхней четверти, остальные три четверти припадают на ляжки и ноги. Я развеселился, представляя себе удовольствие, которое доставит мне это зрелище, для меня совершенно в новинку, после ужина.

– Может ли быть, дорогая Лепи, что у вас не было любовника?

– Нет, – говорит Астроди, – она девственница.

– Это неправда, – возражает та, – потому что у меня есть любовник в Бордо и другой – в Монпелье.

– Несмотря на это, – парирует Астроди, – ты могла бы говорить, что ты девственница, потому что ты никогда не была иной, чем теперь.

– Это правда.

– Как, – говорю я ей, – вы никогда не были девственны? Расскажите же мне, потому что это уникальный случай.

– Никогда, потому что это факт, что когда мой первый любовник меня трахнул, я была такая же, как и после того, как он меня поимел. Мне было двенадцать лет.

– Что он сказал, когда нашел вас не девственной?

– Когда я поклялась ему, что я такова, он поверил и отнес этот случай на счет радикулита.

– Он причинил вам боль?

– Нет, потому что я просила его действовать осторожно.

– Надо, чтобы ты попробовал, – говорит мне Астроди, – мы сделаем это после ужина.

– Ах! Это – нет, – отвечает Лепи, – потому что месье такой большой.

– Что за беда! Ты боишься, что он войдет туда весь целиком? Полно, я сейчас покажу тебе его.

– Ладно! – говорит Лепи, – я представляю себе его. Никогда он не влезет.

– И правда, – говорит Астроди, – что это немного нечестно; ты поторгуешься, и месье согласится, что ты туда примешь лишь половину.

– Речь не идет о длине, дорогая. Эта дверь слишком тесная.

– В таком случае, ты счастливая. Ты сможешь продавать свою невинность после того, как имела двух любовников. Это, однако, не новинка.

Диалог этих двух девиц меня насмешил, и наивное рассуждение горбуны, которое имело всю видимость правды, натолкнуло меня на решение попробовать после ужина с нее.

Мне доставило удовольствие наблюдать за столом, как эти девицы набросились на еду как оголодавшие и пили немилосердно. Вино оказало свой эффект, и Астроли первая предложила нам перейти в состояние натуры, и я согласился, улегшись первым и повернувшись к ним спиной. Я повернулся к ним, лишь когда Астроли меня позвала, и Лепи привлекла все мое внимание. Она была стеснительна, но, насколько я мог судить, чувствовала себя передо мной свободно, и я убедил ее пойти лечь около меня, но без Астроли она ни за что бы не смогла лечь на спину, потому что у нее ее не было; был только горб. Но Астроли положила вторую подушку и приладила ее настолько хорошо, что смогла уложить все ее члены параллельно, и дело пошло, в конце концов, наилучшим на свете образом. Она взялась произвести ввод, который прошел настолько хорошо, что Лепи, ободряя меня, сказала, что теперь я могу ничего не опасаться. Таким образом, мы с большим удовольствием окончили первый акт.

В антракте она стала дарить мне поцелуи, которые не могла давать во время своего экстаза, потому что ее голова положительно была утоплена в ее груди.

– Теперь моя очередь, – заявила Астроли, – но поскольку я не имею желания делать рогоносцем моего аудитора, посети сначала мою страну. Я хочу этого, потому что потом ты будешь путешествовать с наибольшей смелостью. Подожди.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал с этой половинкой лимона?

– Запусти сок от него внутрь. Я хочу, чтобы ты был уверен, что ничем не рискуешь. Разве ты не знаешь, что если я больна, я не могу переносить чувство жжения?

– Ну вот, это сделано. Ты довольна?

– Да. Но ты не должен меня обманывать, потому что если я забеременею, моя репутация пропадет. А ты, Лепи, дай *дилижанс* нашему другу.

– Что это дилижанс?

Я вынужден был прервать дело, потому что умирал от смеха. Она изо всех сил старалась преподать подруге этот маневр, и я должен был с этим согласиться, если хотел, чтобы она сделала мне то же самое. При обязательстве не обманывать ее, дело затянулось, но это было как раз то, чего она хотела. Она поносила Лепи, которая, будучи приставленной к тому, чтобы делать мне «*дилижанс*»¹⁰, торопила меня, и настолько хорошо показала, что может обойтись без нее, что мы кончили все вместе.

Отсмеявшись и отработав, полагая, что больше не могу, я сказал им, чтобы они уходили, но Астроли воспротивилась и попросила у меня пуншу. Я хотел его сделать, но, больше ее не желая, оделся.

Пунш, который я им сделал из шампанского, так их возбудил, что они заставили меня возбудиться вместе с ними по-новой. Астроли расположила ту, другую, так, что, не видя ни одного из ее горбов, я вообразил, что насилую великаншу, дочь Юпитера. Лепи мне поклялась, что она кончила, и я в этом не сомневался; однако Астроли, видя, что я мертв, не желала ничего слушать. Она хотела сотворить чудо, но я не захотел терпеть, чтобы она меня убила, с целью воскресить. Я обещал ей другой ужин в том же вкусе, с намерением нарушить свое слово. Когда в момент ухода они увидели десять луи, я думал, они меня сейчас сожрут. Они сели в мою коляску, которая ждала их у дверей, подарив мне тысячу благословений. После восьми часов сна я не считал себя в состоянии предпринять что-нибудь энергичное; я наскоро оделся, чтобы пойти погулять.

Но тут является ко мне Стюарт и говорит с самым удрученным видом, что если я не помогу ему уехать до того, как уеду сам, он бросится в Рону.

– Я могу, месье, потратить для вас двадцать пять луи, но лишь при условии, что я их отсчитаю непосредственно вашей даме тет-а-тет, и она будет кроткая, как овечка.

¹⁰ я не знаю, что это, и не догадываюсь – прим. перев.

– Месье, это та сумма, которая нам нужна; дама у себя, идите с ней говорить. Я вернусь только в полдень.

Я кладу двадцать пять луи в красивый маленький кошелек и направляюсь к победе. Я вхожу в ее комнату с почтительным видом и вижу ее в постели. При моем приближении она садится на свой зад, не пытаясь поправить рубашку, которая оставляет открытой одну из ее грудей, и прежде, чем я открываю рот, вот какие слова вылетают из ее рта:

– Ну вот, месье, я собираюсь заплатить вам моей персоной за несчастные двадцать пять луи, которые нужны моему мужу. Делайте со мной, что хотите; вы не встретите никакого сопротивления; но помните, что пользуясь моей нуждой, чтобы удовлетворить ваше зверство, вы должны испытывать гораздо большее унижение, чем я, которая не продавалась бы за такую ничтожную цену, если бы не необходимость. Ваша низость более постыдна, чем моя. Идите. Обслуживайтесь.

При этих последних словах она сбрасывает вниз одеяло, предлагая мне красоты, которые я знал, и которых душа, столь жестокая, недостойна иметь. Я подбираю одеяло и набрасываю на нее в сильнейшем негодовании.

– Нет, мадам, – ответил я, – так не будет, чтобы я вышел из этой комнаты, пристыженный тем, что вы мне только что сказали; но это вас я обличаю, высказав истины, которые, будучи порядочной женщиной, вы не должны были бы игнорировать. Я не зверь, и чтобы убедить вас в этом, я ухожу, не воспользовавшись вашими прелестями, которыми пренебрегаю, и за которые не собираюсь платить, отдав вам несчастные двадцать пять луи. Вот они; но учтите, что даю их вам только из чувства жалости, которое, к сожалению, не в силах побороть. Учтите также, что как только вы отдаете себя мужчине за деньги, будь это за сто миллионов, вы – падшая женщина, если вы, по крайней мере, не сделаете вида, что вы его любите; потому что мужчина, не сумевший догадаться о вашем притворстве, будет считать вас порядочной. Прощайте.

После этого я вернулся в свою комнату, и когда ее муж пришел ко мне, чтобы благодарить, я попросил его больше не говорить со мной о его жене. На следующий день он уехал в Лион вместе с ней. В своем месте читатель узнает, как я нашел их обоих в Льеже.

После обеда зашел за мной Дольчи, чтобы повести в свой сад взглянуть на сестру садовника. Он был красивей ее. Находясь в хорошем настроении, она лишь слегка сопротивлялась его просьбам быть с ним нежной в моем присутствии. Благодаря этому случаю увидев, насколько прекрасно он наделен от природы, я уверил его, что, для того, чтобы путешествовать, он не нуждается в деньгах отца, и он прислушался к моему мнению. Это был Ганимед, который, в своих дебатах с садовницей, легко мог бы превратить меня в Юпитера.

Вернувшись к себе, я увидел сходящего с корабля молодого человека двадцати четырех – двадцати шести лет, у которого на благородном лице запечатлелась печаль. Он обратился ко мне и попросил о помощи, представив мне документ, оправдывающий передо мной его просьбу, и паспорт, который показывал, что он шесть недель назад покинул Мадрид. Он был из Пармы, и его звали Гаэтан Коста. Когда я увидел Парму, у меня возникло подозрение; он меня заинтересовал. Я спросил у него, какое несчастье заставило его просить милостыню.

– У меня нет денег, чтобы вернуться на родину.

– Что вы делали в Мадриде и почему оттуда уехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.